В. А. Богородицкій.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Вып. I-й.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстн.“

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Королевская № 13.

1895.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 7 марта 1895 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ“ я предполагаю издавать выпусками свой университетскій курсъ, при чемъ каждый отдѣльный выпускъ будетъ содержать по нѣскольку лекцій, но при этомъ я не стѣсняю себя условіемъ послѣдовательности: послѣдующій выпускъ можетъ и не быть продолженіемъ предъидущаго. Такъ, напр., предлагаемый (первый) выпускъ обнимаетъ нѣсколько первыхъ лекцій по фонетикѣ, между тѣмъ какъ слѣдующій (второй) будетъ содержать рядъ лекцій, посвященныхъ введенію въ морфологію. Вообще, порядокъ изданія моихъ чтеній будетъ зависѣть отъ того, какая группа лекцій окажется въ данное время болѣе готовою къ печати.

В. Богородицкій.

Казань
10 февраля 1895 г.

ОПЕЧАТКИ.

	Вмѣсто:	*Должно быть:*
стр. 2_{2}	языкъ	языкахъ
4_{13}	1) наст. -ім	2) наст. -ім
5^{6}	ио	но
7^{11}	и, наоборотъ	и наоборотъ
15_{12}	*spiritus lenis* (нѣм. h) и *spiritus asper*.	*spiritus lenis* и *spiritus asper* (нѣм. h).
18^{7}	языкомъ	язычкомъ
29^{21}	hrsg. von	hrsg. von Dr. Müller, B. II; 1-ое изд. 1882, 2-ое — 1890 г. (Stolz).
29^{27}	Studien I, 1888. II, 1891.	Studien [съ красной строки] (1888). — *Его же* Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ I часть: основы, обозначающія различія по залогамъ (1891).
35_{4}	bharás	bhārás
38^{3}	baira	baíra
40_{6}	λητοῖ	Λητοῖ

(Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“).

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

I. Типы языковъ и ихъ характеристика.

Представимъ перечень наиболѣе извѣстныхъ типовъ языковъ съ указаніемъ характерныхъ признаковъ строенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I. *Китайскій* языкъ. Признаки его: [1])

1) Китайскому языку свойственны „корни-слова“, не распространяемые вовсе суффиксами; поэтому китайскій языкъ называютъ *корневымъ*.

2) Формальные оттѣнки значенія выражаются или мѣстомъ слова въ предложеніи (т. е. синтаксически), или же при помощи особыхъ формальныхъ словечекъ-корней. Такъ, подлежащее обнаруживается само собою тѣмъ, что всегда начинаетъ собою предложеніе; прямое дополненіе или стоитъ непосредственно за словомъ, выражающимъ дѣйствіе, или же обозначается посредствомъ особаго словечка-корня. Также и оттѣнки другихъ падежей передаются или помощью формальныхъ словечекъ-корней, или же опредѣленнымъ мѣстомъ слова въ предложеніи, напр. родит. пад. обозначается постановкой слова передъ тѣмъ словомъ, которое должно быть опредѣ-

---

[1]) Ср. Овелакъ (Hovelacque Abel) Лингвистика. Перев. со втораго франц. изданія, 1881, стр. 34—37. Во франц. оригиналѣ (1877)[2] стр. 43—48.

лено: *тянъ* тсе = сынъ *неба*, говорятъ также тянь-*ти*тсе [1]).

И такъ, въ китайскомъ языкѣ кромѣ главныхъ словъ-корней есть еще вспомогательныя; изученіе китайскаго языка сводится къ изученію корней того и другаго типа, а также порядка словъ въ предложеніи. Различіе двухъ видовъ корней было подмѣчено китайскими грамматиками, которые раздѣлили корни на двѣ группы—слова полныя и слова пустыя. Соотвѣтственно съ этимъ они опредѣляютъ и грамматику, какъ „очень полезное искусство, научающее насъ отличать полныя слова и пустыя".

3) Многозначность китайскихъ корней. Независимо отъ только-что указаннаго видоизмѣненія смысла слова соотвѣтственно занимаемому мѣсту въ предложеніи, въ китайскомъ языкѣ одни и тѣ же корни нерѣдко имѣютъ самыя разнообразныя значенія; иначе говоря, въ китайскомъ языкѣ много корней-гомонимовъ. Напр. корень *тао*, между прочимъ, можетъ обозначать: похитить, достичь, покрыть, знамя, пшеница, вести, дорога; корень *лю:* отвратить, повозка, драгоцѣнный камень, роса, ковать, дорога.

4) Въ китайскомъ языкѣ употребляется особаго рода сложеніе корней. Чтобы выдѣлить, при многозначности, тотъ или другой смыслъ слова, соединяютъ два слова, являющіяся въ одномъ изъ своихъ значеній синонимами; такъ, *тао-лю* значитъ только „дорога", такъ какъ въ этомъ только значеніи совпадаютъ оба слова.

---

[1]) Внѣ своего мѣста въ предложеніи слово есть простой корень съ неопредѣленнымъ смысломъ, и только занимая то или другое мѣсто въ предложеніи, оно возбуждаетъ соотвѣтствующую опредѣленную идею. Такъ, напр., корень *та*, смотря по положенію въ фразѣ, можетъ обозначать: величина, великій, очень (grandement), увеличить.

Случаи различенія подлежащаго и прямаго дополненія по мѣсту въ предложеніи встрѣчаются и въ индоевроп. языкѣ, напр. во франц.: Emile craint Auguste || Auguste craint Emile.

5) Разнообразіе интонаціи. Различные смыслы одного и того же слова иногда соединяются съ различіемъ интонаціи или вида ударенія. [1])

II. *Аннамскій.*
III. *Сіамскій.*
IV. *Бирманскій*
V. *Тибетскій.*

Эти языки, находящіеся въ географическомъ сосѣдствѣ съ китайскимъ и также, подобно ему, корневые, выставляются однако въ качествѣ отдѣльныхъ семействъ, такъ какъ родства между ними пока не обнаружено.

VI. Семейство *урало-алтайскихъ* (туранскихъ) языковъ, названное такъ по своей предполагаемой прародинѣ, широко раскинулось, занявши всю сѣверную половину Азіи и значительную часть восточной Европы. Въ составъ этого семейства входятъ слѣдующія группы языковъ: *турецко-татарская* или *тюркская* [2]), *финская, монгольская, тунгузская* или *манджурская, самоѣдская.* Признаки: [3])

1) Агглютинація (т. е. приклеиваніе, отъ лат. glutinum=клей). Въ урало-алтайскихъ языкахъ нѣтъ та-

---

[1]) Ср. М. Мюллеръ Наука о языкѣ. Перев. съ англ. Вып. I (1868) стр. 30.

[2]) Названіе *тюркскій* (туркскій, турецкій) восточнаго происхожденія: турецко-татарскій языкъ въ его развѣтвленіяхъ восточными народами называется *тюрки.*

[3]) Ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А., Подробная программа лекцій 1877—1878 уч. г. Казань (1881). Въ ней на стр. 149—156 представлена „характеристика языковъ флексійной аріо-европейской отрасли, въ сравненіи съ отраслью агглютинирующею финско-тюркскою". Недостатокъ этой характеристики, по моему мнѣнію, заключается въ стремленіи автора представить эти два типа во всѣхъ отношеніяхъ противоположными одинъ другому, между тѣмъ какъ при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи противоположности эти сильно сглаживаются, а иногда оказываются даже прямо мнимыми. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ урало-алтайскіе языки представляютъ лишь задатки тѣхъ явленій, которыя уже въ развитомъ видѣ наблюдаются въ индо-европейскихъ языкахъ. Но тутъ можно сослаться на формулу, которую авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги не разъ повторяетъ: „Хронологія! Вопросъ времени!" (ук. соч. стр. 130, 131, 134).

кого плотнаго единства слова, какъ въ языкахъ индоевропейскихъ, суффиксы сохраняютъ свою отчетливость и обособленность. Отсюда урало-алтайскіе языки называются *агглютинирующими*, приклеивающими. Эта отчетливость придаточныхъ морфологическихъ элементовъ находится въ связи съ тѣмъ, что одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія выражается однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, между тѣмъ какъ во флексіи индоевропейской мы встрѣчаемъ разнообразіе обозначеній для одного и того же оттѣнка значенія (ср., напр., въ русскомъ различныя окончанія Род. ед. — стол*а*, рыб*ы*, кост*и*). Отсюда проистекаетъ простота урало-алтайской флексіи. Примѣръ изъ турецкаго языка: *oda* комната, *oda-da* въ комнатѣ, *oda-lar* комнаты, *oda-lar-da* въ комнатахъ; точно такъ же образуются соотвѣтствующія формы и отъ всякаго другаго существительнаго (нѣкоторыя варіаціи получаются вслѣдствіе фонетическихъ перемѣнъ, см. ниже пунктъ 3). [1])

2) Урало-алтайскіе языки не развили типа префиксовъ и предлоговъ. Разнообразные оттѣнки значенія они выражаютъ посредствомъ присоединенія къ корню соотвѣтствующихъ суффиксовъ. Суффиксы здѣсь исполняютъ и тѣ функціи, которыя въ индоевропейскихъ языкахъ выполняются предлогами. [2]) Ср. турецк.: *el* рука,

---

[1]) Въ татарскомъ языкѣ спряженіе уже не представляетъ полнаго однообразія. Можно установить въ немъ два типа: 1) наст. -ам, прош. -ды³м; 1) наст. -ім, прош. -ады³м. Вѣроятно, путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія оба типа могутъ быть возведены къ одному, но для современнаго языка они во всякомъ случаѣ остаются *двумя* типами спряженія. Конечно, и индо-европейскіе языки должны были нѣкогда переживать періодъ простоты флексіи. — Подобно индоевропейскимъ языкамъ, въ татарскомъ можно наблюдать явленіе сокращенія основъ въ пользу окончаній (въ глаголѣ): аγ*á-м* теку, суγ*á-м* сѣку, сыбр*á-м* мету ... → аγ-*ám*, суγ-*ám*, сыбр-*ám* ...; аγ*á-сін*, суγ*á-сін*, сыбр*á-сін* (2 ед.) ... → аγ-*áсін*, суγ-*áсін*, сыбр-*áсін* ... И т. п.

[2]) Ср. существованіе постпозиціонныхъ предлоговъ въ индоевропейскихъ языкахъ.

el-im моя рука, *el-im-de* въ моей рукѣ, *el-im-de-ki* находящійся въ моей рукѣ, *el-im-de-ki-*н̀ (Р. ед.) находящагося въ моей рукѣ.

3) Гармонія гласныхъ. Сочетаніе корня съ суффиксами при образованіи словъ объединяется не только удареніемъ, но еще такъ называемою гармоніею гласныхъ. Явленіе это состоитъ въ томъ, что гласнымъ корня опредѣляется характеръ послѣдующихъ гласныхъ. Если, напр., въ корнѣ твердый гласный, то и слѣдующіе гласные того же слова будутъ твердые, а если мягкій, то и послѣдующіе гласные мягкіе. Такимъ образомъ, окончаніе неопр. накл. будетъ *-mak*, если гласный въ корнѣ твердый, и *-mek*, если онъ мягкій, напр. тур. *jaz-mak* писать || *sev-mek* любить. Подобнымъ же образомъ знакъ множеств. числа является въ видахъ *-lar* || *-ler*, признакъ locat. *-da* || *-de* и т. п., смотря по главному гласному въ словѣ, т. е. по гласному корня. [1])

4) Нѣтъ различія рода въ существи́тельныхъ.

---

[1]) Я не могу согласиться съ проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, противополагающимъ туранскую гармонію гласныхъ индоевропейскому удареніе (ук. соч. 150). Удареніе индоевропейскихъ языковъ необходимо сопоставлять съ удареніемъ же въ языкахъ туранскихъ. Вѣдь въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ, всякой формѣ слова свойственно опредѣленное удареніе. Кромѣ того, въ туранскихъ языкахъ можно встрѣтить явленія, вызванныя удареніемъ, аналогіи которымъ можно указать въ индоевропейскихъ языкахъ. Такъ, напр, я наблюдалъ неодинаковую продолжительность слоговъ въ словахъ татарскаго языка, напр. э́ш (работа) || ³шнэ́н (Р. ед.). Въ сравниваемыхъ словахъ ударенный слогъ произносится довольно продолжительно и сильно; слогъ, предшествующій ударенному,—кратко и слабо, гласный едва замѣтенъ. Легко видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое можемъ назвать, пользуясь терминологіей индоевропейской грамматики, градаціею корня (ср. скт. *ásmi* есмь || *smás* есмы и т. п.).

5) Неизмѣняемость прилагательнаго. Прилагательныя въ неизмѣняемой формѣ присоединяются спереди къ существительнымъ, при чемъ падежныя окончанія имѣются только при существительныхъ. [1])

6) Въ отношеніи синтаксическомъ обращаетъ на себя вниманіе совершенно другой порядокъ словъ въ предложеніи, нежели въ языкахъ индоевропейскихъ. Ср. въ морфологическомъ отношеніи отсутствіе типа префиксовъ; соотвѣтствующіе имъ элементы стоятъ позади корня, слѣдовательно въ совершенно иномъ направленіи относительно корня, чѣмъ въ индоевропейскихъ языкахъ. Если отмѣченныя синтаксическое и морфологическое явленія урало-алтайскихъ языковъ стоятъ въ связи между собою, то здѣсь мы имѣемъ интересный случай соотвѣтственности между синтаксическимъ и морфологическимъ строемъ языка.

VII. *Дравидскіе* языки.
VIII. *Японскій* азыкъ. } агглютинирующіе.

IX—XIV. Языки *Ю. Африки; малао-полинезійскіе;* малоизслѣдованные языки *С.-В. угла Азіи;* языки *Кавказа;* языкъ *басковъ; американскіе* [2]) . . .

---

[1]) Въ англійскомъ языкѣ выработалось явленіе, аналогичное урало-алтайскимъ языкамъ: въ англ. прилагательное-опредѣленіе не измѣняется. Ср. the *good* father; the *good* mother; of the *good* father; of the *good* fathers; и т. д. Въ этомъ отношеніи англійскій расходится съ нѣмецкимъ. Но прилагательное-сказуемое не измѣняется какъ въ англійскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ. Не здѣсь ли лежалъ толчокъ къ однообразію прилаг.-опредѣленія въ англ.?

Ср. также опредѣлительныя сложенія типа ἀκρόπολις (=ἡ ἄκρα πόλις) въ индоевропейскихъ языкахъ.

[2]) Характерную черту американскихъ языковъ составляетъ „полисинтеизмъ“ (многосоединенность). Тогда какъ въ другихъ языкахъ отдѣльныя понятія, соединяемыя между собою предложеніемъ, представляются въ формѣ отдѣльныхъ словъ, въ американскихъ они соединяются въ нераздѣльное единство, какъ бы въ одно слово. Слѣдовательно, въ нихъ сло-

XV. *Семитическіе* языки. Признаки:

1) Трехсогласный характеръ корней. Корни въ семитическихъ языкахъ состоятъ изъ трехъ согласныхъ (о роли гласныхъ скажемъ въ слѣдующемъ пунктѣ). Согласные составляютъ постоянную, не мѣняющуюся при флексіи часть корня. Примѣры семитическихъ корней: *q-t-l* убивать, *k-t-b* писать, *d-b-r* говорить. Между тѣмъ въ индоевропейскихъ языкахъ строеніе корней представляетъ значительное разнообразіе: корень можетъ состоять изъ гласнаго безъ всякаго согласнаго (напр. *ei*—εἶμι), изъ согласнаго съ гласнымъ и, наоборотъ, изъ гласнаго между двухъ согласныхъ и проч.

2) Внутренняя флексія. Гласные представляютъ мѣняющуюся часть семитическаго корня. Перемѣною гласныхъ корня получается измѣненіе оттѣнковъ значенія, что̀ и называется внутренней флексіей. При этомъ одни и тѣ же оттѣнки значенія выражаются одинаковыми гласными для всѣхъ корней. Напр. въ арабскомъ: *qatala* онъ убилъ, *qutila* онъ былъ убитъ и т. п.; соотвѣтствующія образованія отъ другихъ корней: *kataba, kutiba*; *dabara, dubira*, и т. д. [1])

во и предложеніе одно и то же. Оттого американскіе языки называются также „воплощающими“.

[1]) Мѣна корневыхъ гласныхъ наблюдается и въ индоевропейскихъ языкахъ, но только въ нихъ она представляетъ бо́льшую сложность. Индоевропейскій корень имѣетъ свою собственную, основную гласную; отсюда корни индоевропейскіе располагаются въ ряды или группы, при чемъ каждая такая группа представляетъ опредѣленную градацію корневаго гласнаго. Такимъ образомъ, внутреннюю или корневую флексію семитическихъ языковъ можно приблизительно сопоставить въ индоевропейскихъ языкахъ съ градаціею гласнаго въ корняхъ одного и того же ряда. Въ этомъ случаѣ и въ индоевропейскихъ языкахъ консонантизмъ будетъ представлять наиболѣе характерную часть въ корнѣ. Замѣтимъ далѣе, что ряды въ нѣкоторыхъ образованіяхъ могутъ совпадать относительно гласнаго, а это будетъ служить поводомъ къ пе-

3) Только два рода въ именахъ—мужескій и женскій. По этимъ двумъ родамъ распредѣляются и названія неодушевленныхъ предметовъ и отвлеченныхъ понятій. (Какъ вторичное явленіе, существованіе только двухъ родовъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ изъ индоевропейскихъ языковъ).

4) Первоначально трехпадежное склоненіе, а затѣмъ переходъ къ аналитическому состоянію. Полагаютъ, что въ семитическомъ праязыкѣ склоненіе имѣло только три падежа, стало быть—меньше, чѣмъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Падежи эти были: Им., Род., Вин.; окончаніями ихъ служили гласные: Им. *-u*, Р. *-i*, В. *-a*, напр. *kalbu* (собака), *kalbi, kalba*. Кромѣ арабскаго языка, все семитическое семейство большею частью потеряло эти окончанія. Напр. о еврейскомъ языкѣ Гезеніусъ говоритъ: „формъ падежей еврейскій языкъ собственно не имѣетъ, хотя и уцѣлѣли въ немъ нѣкоторые ихъ остатки, свидѣтельствующіе объ ихъ существованіи въ до-библейскій періодъ языка; понятіе же о падежѣ получается или по мѣсту, занимаемому именемъ въ предложеніи, или выражается посредствомъ предлоговъ, приставляемыхъ къ имени. Въ томъ и другомъ случаѣ форма имени не подвергается никакому измѣненію и, потому, ученіе о падежахъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ синтаксису.“ Ср. переходъ многихъ изъ индоевропейскихъ языковъ въ аналитическое состояніе.

5) Согласованіе прилагательнаго въ родѣ, числѣ и падежѣ съ существительнымъ.

6) Только два времени въ глаголѣ: совершенное—для обозначенія дѣйствія совершившагося и несовершенное — для обозначенія дѣйствія несовершившагося. Вре-

---

реходу словъ, подъ вліяніемъ *аналогіи*, изъ одного ряда въ другой и къ большему однообразію рядовъ. Быть можетъ, дѣйствію этого нивеллирующаго фактора и семитическіе языки обязаны до нѣкоторой степени своимъ однообразіемъ внутренней флексіи.

мена эти различаются мѣстомъ личнаго суффикса и гласнымъ корня, напр. въ араб.: katab*ta* (ты написалъ), *ta*-ktuba (дѣйствіе несов.). [1])

XVI. *Индоевропейскіе* языки, краткое изложеніе сравнительной грамматики которыхъ и составитъ предметъ нашего очерка.

---

[1]) Ср. въ индоевроп. языкахъ одинаковость личныхъ окончаній въ наст. и будущ. и, затѣмъ, существованіе двухъ главныхъ типовъ глагольныхъ окончаній—наст. (буд.) и прошедшихъ временъ. Ср. далѣе случаи употребленія наст. въ смыслѣ будущаго.

II. Важнѣйшія данныя изъ физіологіи звуковъ. [1])

Существуютъ двѣ *основныя точки зрѣнія на звуки рѣчи:* точка зрѣнія *произношенія* и точка зрѣнія *слышанія.* Подъ произносимою стороною звуковъ слѣдуетъ понимать *работы органовъ произношенія,* подъ слышимою — *слуховыя ощущенія* отъ колебаній, въ которыя приводится воздушная среда дѣйствіемъ органовъ произношенія. [2]) Эти двѣ стороны — произносимая и слыши-

---

[1]) Въ Рус. Фил. Вѣстн. я дважды помѣщалъ очеркъ физіологіи звуковъ: 1) въ статьѣ: „Введеніе въ изученіе русскаго вокализма", Р. Ф. В. т. VII, 1882, стр. 86—111 (въ отд. отт., вып. 1, стр. 1—26), 2) въ „Курсѣ грам. рус. яз. Ч. 1-ая: Фонетика", Р. Ф. В. т. X, 1883, стр. 187—215 (въ отд. отт., 1887 г., стр. 11—39). Второй изъ этихъ очерковъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ и дополненъ однимъ экспериментальнымъ изслѣдованіемъ въ моемъ сочиненіи: „Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ". Казань (1884), стр. 25—49. Для избѣжанія повтореній я отсылаю читателя къ цитированнымъ статьямъ, изложеннымъ общедоступно, въ настоящемъ же очеркѣ займусь дальнѣйшимъ развитіемъ моихъ воззрѣній въ разсматриваемой области. Какъ на капитальный трудъ по физіологіи звуковъ должно указать на слѣдующій: Sievers Ed., Grundzüge der Phonetik (1885)[3]. Объ этомъ сочиненіи см. обстоятельную статью Я. К. Грота въ Журн. М. Н. Пр. Ч. CCXXIX, 1883 г., стр. 304—339. Далѣе, съ интересомъ прочтется книга: Остроградскій Ал., Руководство къ первоначальному обученію глухонѣмыхъ дѣтей по звуковому способу. СПб. (1889). Журналъ, посвященный изслѣдованіямъ произношенія въ его тонкихъ оттѣнкахъ въ разныхъ языкахъ: Vietor W., Phonetische Studien.

[2]) Можно замѣтить еще, что какъ сторона произносимая, такъ и слышимая представляютъ каждая два момента— субъективный и объективный. Субъективнымъ момен-

мая.— различаются безъ труда даже въ обыкновенномъ пониманіи. Доказательствомъ можетъ служить существова-

---

томъ въ сферѣ произношенія являются ощущенія мышечныя и осязательныя отъ работы органовъ, а въ сферѣ слышанія— слуховыя ощущенія. Объективный моментъ въ сферѣ произношенія представляютъ движенія и работы органовъ, которыя можно изслѣдовать даже съ помощью экспериментальныхъ методовъ, существующихъ въ физіологіи, въ сферѣ же слышанія таковымъ моментомъ являются колебанія воздуха отъ произношенія, изслѣдованіе которыхъ относится къ области физики или, точнѣе, физической акустики. Работы аппарата рѣчи могутъ подвергаться анализу анатомическому, относительно участвующихъ въ произношеніи мышечныхъ группъ. Для ознакомленія съ мускулатурою говорильнаго аппарата см. у меня недоконченный обзоръ во Введеніи въ изуч. рус. вок., Р. Ф. В. т. IX, 1883, 47—66 (отд. отт., вып. 2, стр. 143—162). Ясное и наглядное описаніе отдѣловъ мускулатуры, недостающихъ въ моемъ обзорѣ, читатель найдетъ въ трудѣ А. Камскаго: Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ, въ Фил. Зап. 1888, вып. II, стр. 2—7 (тоже въ отд. отт.). Къ сожалѣнію, нельзя рекомендовать прочихъ отдѣловъ статьи г. Камскаго, такъ какъ они скорѣе представляютъ фантазіи автора, чѣмъ изслѣдованіе по строго-научному методу (см. разборъ этого сочиненія въ моей брошюрѣ: „По поводу теоріи г. Камскаго о возникновеніи въ человѣчествѣ членораздѣльной рѣчи“). Капитальными трудами по анатомо-физіологической сторонѣ произношенія являются: Merkel C. L., Anatomie und Physiologie der menschlichen Stimm- und Sprachorgans (Anthropophonik). Leipzig 1856; Его же Physiologie der menschlichen Sprache (physiologische Laletik). Leipzig 1866. Далѣе назовемъ: Techmer F., Phonetik. 2 Bde. Leipzig 1880; существенное содержаніе этого труда было изложено въ общедоступномъ видѣ самимъ авторомъ въ издававшемся имъ журналѣ „Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft“ I B. 1 H. (1884); по поводу послѣдняго поименованнаго труда Техмера ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., въ Ж. М. Н. Пр. 1884, октябрь, 391—393. Что касается мышечныхъ ощущеній при произношеніи, то ср. Stricker Studien über die Sprachvorstellungen. Wien 1880; объ этомъ сочиненіи см. въ статьѣ К. Аппеля Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языко-

ніе особыхъ способовъ выраженія для обозначенія той и другой стороны, ср. *говорить* || *слышать*. Особыя выраженія существуютъ также для обозначенія ошибокъ въ той и другой области: *обмолвка* (обмолвиться) || *ослышка* (ослышаться). А между тѣмъ въ грамматическихъ сочиненіяхъ эти двѣ точки зрѣнія очень часто смѣшиваются. Напр., классифицируются звуки по органамъ произношенія (значитъ—точка зрѣнія произнесенія), и тутъ же нерѣдко толкуется о звукахъ свистящихъ и шипящихъ (значитъ, имѣется уже въ виду сторона слышанія — качество эффекта, производимаго произнесеннымъ звукомъ на слухъ). Или, положимъ, разсуждаютъ о звуковыхъ измѣненіяхъ,— и опять не стараются обратить вниманіе на то, что̀ при этомъ относится къ области аппарата рѣчи и что̀ — къ сферѣ органа слуха. [1]) Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что зву-

---

знанія, въ Р. Ф. В. т. VI, 1881, стр. 292 сл. (отд. отт. стр. 51 сл.). Статьи по вопросу о постепенномъ развитіи произношенія у дѣтей: Александровъ А., Дѣтская рѣчь, Р. Ф. В. т. X, 1883, 86—120 (имѣется и въ отд. отт.); Благовѣщенскій В., Дѣтская рѣчь, въ Р. Ф. В. XVI, 1886, 73—101.

[1]) На сколько важно различать эти двѣ стороны при разсмотрѣніи звуковыхъ измѣненій, можно убѣдиться изъ слѣдующаго. Напр., измѣненіе неударенаго *о* въ *а* въ южновеликорусскомъ относится къ сферѣ органовъ произношенія и состоитъ въ ослабленіи работы губъ. Какое бы слово мы ни взяли съ основно-русскимъ гласнымъ *о* въ томъ же неударенномъ положеніи, въ ювр. этотъ гласный будетъ постоянно отражаться какъ неударенное *а*. Вообще говоря, звуковыя измѣненія, совершающіяся въ сферѣ аппарата рѣчи, характеризуются *всеобщностью*. Съ другой стороны, обратимъ вниманіе на простонар. произношеніе „*мырять*“ вм. *нырять*. Эта особенность произошла вслѣдствіе того, что вм. одного звука послышался сходный другой и такое ошибочное произношеніе утвердилось обычаемъ. Ясно, что такая замѣна звука *н* черезъ *м* произошла не во всѣхъ случаяхъ *н*, а лишь въ отдѣльныхъ словахъ. Въ общемъ, звуковыя измѣненія, относящіяся къ сферѣ органа слуха, характеризуются *спорадичностью* (усложняясь нерѣдко вліяніемъ т. н. „народной этимологіи“). Здѣсь не мѣсто долѣе останавливаться на вопросѣ

ки рѣчи можно классифицировать съ точки зрѣнія работъ говорильнаго аппарата и съ точки зрѣнія слуховыхъ ощущеній, при чемъ каждую изъ этихъ точекъ зрѣнія слѣдуетъ проводить строго, не смѣшивая съ другою. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы установить особые термины для представленія звука съ той и другой точки зрѣнія. Я не могу придумать другихъ терминовъ, какъ „*звукоартикуляція*“ — для обозначенія комплекса работъ, требующихся для произнесенія того или другаго звука, и „*звукоощущеніе*“ — для обозначенія слуховыхъ ощущеній отъ произносимыхъ звуковъ.

Человѣческій аппаратъ рѣчи представляетъ слѣдующія части: 1) *дыхательный аппаратъ*, 2) *гортань*, 3) *мягкое небо*, 4) *нижняя челюсть*, опусканіемъ которой обусловливается раскрытіе рта, 5) *органы произношенія*. [1]) Работы этихъ частей разнообразятся, смотря по произносимымъ звукамъ; отсюда вытекаетъ возможность классифицировать звуки рѣчи по характеру дѣятельности каждой изъ поименованныхъ частей говорильнаго аппарата. [2])

о фонетическихъ законахъ (ихъ всеобщности, или же спорадичности): свои воззрѣнія по этому предмету я разовью подробно въ заключительной главѣ фонетики.

[1]) Съ точки зрѣнія физической акустики говорильный аппаратъ прежде всего можетъ быть раздѣленъ на три части: а) дыхательный аппаратъ—въ роли мѣховъ, б) гортань—въ роли язычковаго инструмента, в) полости, лежащія надъ гортанью, — въ роли надставной трубы; затѣмъ будутъ слѣдовать уже подраздѣленія надставной трубы: отдѣлы ртовый, носовой, и т. д.

[2]) Спокойное положеніе говорильнаго аппарата и его частей, каковое представляется при спокойномъ дыханіи (когда не говорятъ), называется *индифферентнымъ* укладомъ (голосовая щель при этомъ расширена и токъ воздуха безшумно проходитъ чрезъ нее, мягкое небо свободно опущено). Звуковыя измѣненія въ области звукоартикуляцій, относящіяся къ категоріи ослабленій звуковъ, происходятъ въ направленіи къ индифферентному укладу говорильнаго аппарата и его частей.

1) Что касается дѣятельности дыхательнаго аппарата, то каждый отдѣльный звукъ можетъ выговариваться при весьма разнообразной силѣ выдыханія, но въ словахъ это разнообразіе сводится, вообще говоря, къ тремъ ступенямъ [1]).

[Въ области звукоощущеній разнообразной силѣ выдыханія при выговариваніи звуковъ соотвѣтствуетъ разнообразіе въ *силѣ* получаемыхъ при этомъ слуховыхъ эффектовъ].

2) Въ дѣятельности гортани нужно различать: *уложеніе голосовой щели* и *натяженіе голосовыхъ связокъ*. По уложенію голосовой щели звукоартикуляціи распадаются на двѣ группы:

а) звукоартикуляціи, въ образованіе которыхъ привходитъ *голосовая щель, съуженная для звученія;*

б) звукоартикуляціи, для которыхъ *голосовая щель расширена* (такъ что выдыхаемый токъ воздуха безшумно проходитъ черезъ нее).

[Въ сферѣ звукоощущеній въ случаѣ а) получаются „звонкіе“ звуки, а въ случаѣ б) — „глухіе“.]

При расширенной голосовой щели голосовыя связки не напряжены. Если же голосовая щель съужена для звученія, то голосовыя связки при выговариваніи отдѣльныхъ

---

[1]) Напр., въ словѣ „годовóму“, по общерусскому выговору, соотношеніе силы выдыханія (а также длительности произношенія) для слоговъ этого слова можно приблизительно выразить цифрами: 1—2—3—1. Въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, а также въ другихъ языкахъ соотношеніе будетъ болѣе или менѣе иное. Понятно, что точное представленіе такихъ соотношеній можетъ быть достигнуто только экспериментальнымъ путемъ, съ помощью надлежащихъ приборовъ. Слогъ ударенный, вообще, произносится съ наибольшей силой выдыханія. Впрочемъ, въ однихъ языкахъ въ удареніи преобладаетъ моментъ экспираторный или сила выдыханія, тогда какъ въ другихъ—тоническій или высота тона.

звуковъ могутъ представлять весьма разнообразную степень натяженія, но въ словѣ это разнообразіе, говоря вообще, сводится къ тремъ стадіямъ (ср. выше относительно силы выдыханія).

[Въ области звукоощущеній разнообразію въ натяженіи голосовыхъ связокъ при произношеніи соотвѣтствуетъ разнообразіе „высоты тона“, при чемъ наиболѣе высокій тонъ въ словѣ принадлежитъ слогу съ удареніемъ.] [1])

3) По характеру участія мягкаго неба звукоартикуляціи распадаются на двѣ группы:

---

[1]) Съ точки зрѣнія физической акустики, *сила звука* зависитъ отъ амплитуды колебанія воздушныхъ частицъ, а *высота тона* обусловливается частотою колебаній. Вслушиваясь, напр., въ произношеніе слова „го́да“, мы замѣчаемъ, что ударенный слогъ сильнѣе или громче неударенаго. Съ точки зрѣнія акустической это значитъ, что при произнесеніи ударенаго слога амплитуда колебанія воздушныхъ частицъ бо́льшая, нежели при произнесеніи неударенаго слога. Кромѣ того, ударенный слогъ нашего слова произносится нѣсколько выше неударенаго: это значитъ, что при произнесеніи ударенаго слога голосовыя связки, сильнѣе натянутыя, вибрируютъ быстрѣе, нежели при произнесеніи неударенаго слога. Для элементарнаго ознакомленія съ физической акустикой примѣнительно къ рѣчи см. у меня „Введеніе въ изученіе рус. вокал.“, Р. Ф. В. т. IX, 1883, стр. 21—40 (отд. отт., вып. 2, стр. 117—136).

Кромѣ *голосоваго тона*, происходящаго вслѣдствіе вибраціи голосовыхъ связокъ, къ звукамъ гортани принадлежатъ греческіе *spiritus lenis* (нѣм. h) и *spiritus asper*. Звукъ легкаго придыханія, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ физіологовъ рѣчи, предшествуетъ произношенію всѣхъ гласныхъ и особенно замѣтенъ при шепотномъ произношеніи этихъ звуковъ: въ горлѣ какъ будто щелкнетъ или хрустнетъ. Этотъ звукъ сближенныхъ голосовыхъ связокъ есть какъ бы взрывной согласный гортани. Звукъ густаго придыханія считается придувнымъ согласнымъ гортани: голосовая щель мало расширена, такъ что образуется шумъ отъ тренія выдыхаемаго тока воздуха. Звукъ густаго придыханія можетъ сопровождать собою mediae и tenues; продуктомъ такой комбинаціи являются mediae и tenues *aspiratae* (напр. санскр. *bh*, *nh* и пр.).

а) звукоартикуляціи, при образованіи которыхъ *мягкое небо приближено или прижато къ задней стѣнкѣ глотки;*

б) *мягкое небо опущено.*

[Въ области звукоощущеній въ первомъ случаѣ получаются звуки „чистые“ или „не-носовые“, а во второмъ „носовые“.]

4) Звукоартикуляціи по характеру работы нижней челюсти распадаются на двѣ категоріи:

а) *нижняя челюсть осаждается* (чрезъ это получается *раскрытость* рта, которая, смотря по степени осажденія нижней челюсти, различается *широкая* — при звукооартикуляціи *а*, *средняя* — при *е*, *о* и *ӧ*, *узкая* — при *і*, *у*, *ў* и *ы*;

б) *нижняя челюсть сближается съ верхней.* [1])

[Относительно соотвѣтствующихъ звукоощущеній замѣтимъ, что звукоартикуляціи первой категоріи свойственны звукамъ „гласнымъ“, а звукоартикуляціи второй категоріи — звукамъ „согласнымъ“. О роли степени раскрытости рта для оттѣнковъ соотвѣтствующихъ звукоощущеній можно судить на основаніи опытовъ въ родѣ слѣдующаго. Замѣтимъ, что между широкимъ и узкимъ раскрытіями рта мы можемъ представить себѣ неограниченное число промежуточныхъ, и при каждомъ изъ нихъ возможно произнести гласный *а*. Если мы будемъ тянуть произношеніе этого гласнаго, начавши съ узкаго раскрытія и постепенно доходя до широкаго, то легко замѣтимъ видоизмѣненіе

---

[1]) Техмеръ очень удачно придумалъ нѣмецкіе термины для обозначенія приведенныхъ двухъ категорій: а) *Mundöffner* (рто-раскриватели), б) *Mundschliesser* (рто-смыкатели).

Какъ увидимъ ниже, работы смыканія и раскрытія рта при произношеніи звуковъ находятся въ нѣкоторой связи съ способомъ дѣйствія органовъ произношенія. Будетъ указано также и на соотношеніе съ работою гортани. Вообще, можно установить связь сосуществованія между нѣкоторыми работами аппарата рѣчи.

въ оттѣнкѣ: гласный становится болѣе яснымъ и болѣе открытымъ. Опытъ можетъ быть и обратный, т. е. состоять въ переходѣ при произношеніи *а* отъ широкаго раскрытія рта къ узкому. Подобные опыты можно произвести и надъ другими звуками.]

5) Что касается работы органовъ произношенія, то въ этомъ случаѣ нужно различать *мѣсто* и *способъ дѣйствія*.

Сначала скажемъ о мѣстѣ дѣйствія. Органы произношенія образуютъ двѣ пары: губную и язычно-небную. О первой парѣ слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствіе можетъ происходить между обѣими губами (звукоартикуляціи *п*, *б*, *м*), или же нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ (*ф*, *в*). Такимъ образомъ артикуляція губная раздѣляется на губно-губную и губно-зубную. Что касается пары язычно-небной, то языкъ въ своей передней части является весьма подвижнымъ, а въ задней части, близкой къ мѣсту его укрѣпленія, мало подвиженъ; небо же, наоборотъ, неподвижно тамъ, гдѣ оно находится противъ подвижной части языка, а позади, противъ корня языка,— подвижно (твердое впереди, сзади оно является мягкимъ и заканчивается язычкомъ). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подвижная часть артикулируетъ относительно неподвижной или менѣе подвижной. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба своею переднею частью (*т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л* . . .) [1]), среднею (*j*; *і*, *е*) и заднею (*к*, *г*, *х*, *γ* т. е. *г* въ словѣ „благо“, *ṗ* или заднеязычное *р*, *ṅ*, *ы*). Кромѣ того, артикуляціи одной и той же (приблизительно) части языка могутъ совершаться относительно болѣе или менѣе различныхъ частей неба. Такъ, переднею частью языкъ можетъ артикулировать относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д* . . .) и относительно твердаго неба нѣсколько

---

[1]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ „передне-боковое“.

выше зубовъ (альвеолярные или церебральные *т̣*, *д̣*, *н̣*, *ш*, *ж*, *р*) [1]. Звукоартикуляціи *о*, *у* представляютъ одновременное сочетаніе своеобразнаго губнаго съуженія съ дѣйствіемъ задней части языка, болѣе глубокимъ, чѣмъ въ звукоартикуляціяхъ *ы*, *к*... Что касается дѣйствія мягкаго неба относительно задней части языка, то сюда относится производимое языкомъ увулярное *р*. Нужно еще обратить вниманіе на одну характерную черту въ работѣ средней части языка. Являясь особой артикуляціей при произнесеніи звуковъ *j*, *і*, *е*, эта работа можетъ соединяться съ работами другихъ органовъ произношенія — губъ, передней и задней части языка (звукоартикуляціи *п'*, *б'*, *м'*, *ф'*, *в'*; *т'*, *д'*, *с'*, *з'*, *н'*, *л'*, *ш'*, *ж'*, *р'*; *к'*, *г'*, *х'*, *γ'*; *ӧ*, *ӱ*). Отсюда является возможность всѣ звукоартикуляціи подраздѣлить на двѣ группы: съ участіемъ и безъ участія средней части языка.

При одномъ и томъ же мѣстѣ дѣйствія органовъ произношенія можетъ различаться способъ дѣйствія. По способу дѣйствія органовъ произношенія звукоартикуляціи прежде всего распадаются на двѣ категоріи:

а) *открытыя* и

б) *съуженныя*,

тѣсно связанныя съ разсмотрѣнными выше двумя категоріями по участію нижней челюсти. Открытыя звукоартикуляціи, смотря по степени открытости, могутъ быть широкія (*а*), среднія (*е*, *о*, *ӧ*), узкія (*і*, *у*, *ӱ*, *ы*). Съуженныя раздѣляются на взрывныя (*п*, *б*, *т*...), придувныя (*ф*, *в*, *с*...) и дрожащія (*р*).

[Относительно звукоощущеній прежде всего замѣтимъ, что открытыя звукоартикуляціи свойственны „гласнымъ“ звукамъ, а съуженныя—„согласнымъ“. Въ отдѣлѣ анатомо-физіологическомъ мы группировали звукоартикуляціи по мѣсту дѣйствія органовъ произношенія; здѣсь же мы можемъ расположить звукоощущенія какъ гласныхъ, такъ

---

[1]) Существуетъ еще межзубное дѣйствіе передней части языка: новогреч. *ϑ*, *δ*, англ. *th*.

и согласныхъ въ ряды, по степени сходства слуховыхъ эффектовъ. Для установленія такихъ рядовъ большую услугу оказываютъ *переходные* [1]) звуки. Такъ, въ отдѣлѣ гласныхъ можно прослѣдить постепенный переходъ отъ *a* къ *i* (*a*....*ä*....*e*....*i*) и отъ *a* къ *y* (*a*....å....*o*ᵉ....*o*....*y*). Для звукоощущеній ряда *i* можетъ служить названіе „ясныя“, а для звукоощущеній ряда *y* — „темныя“ (эти термины примѣнялись Курціусомъ). Рядами могутъ быть расположены и согласные звуки, напр. *п*(*б*).....*п*'(*б*'), *т*(*д*).....*т*'(*д*').....*к*'(*г*').....*к*(*г*).....*х*(γ) и пр. Только между П-звуками и Т-звуками нѣтъ переходныхъ звеньевъ. Звукоартикуляціямъ безъ участія средней части языка соотвѣтствуютъ звукоощущенія „твердыя“, отъ звукоартикуляцій же съ участіемъ средней части языка получаются звукоощущенія „мягкія“ (между тѣми и другими могутъ быть переходныя съ „среднею“ мягкостью). Упомянемъ еще о существованіи переходныхъ звеньевъ между гласными и согласными: *y*....*w*....*в*, *i*....*j*. Нижеслѣдующая таблица представляетъ группировку звукоощущеній, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ [2]) см. на слѣд. страницѣ].

Представивши основы классификаціи, я позволю себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о дѣленіи звуковъ на „гласные“ и „согласные“, какъ со стороны анатомо-физіологической, такъ и слуховой. Для выясненія разли-

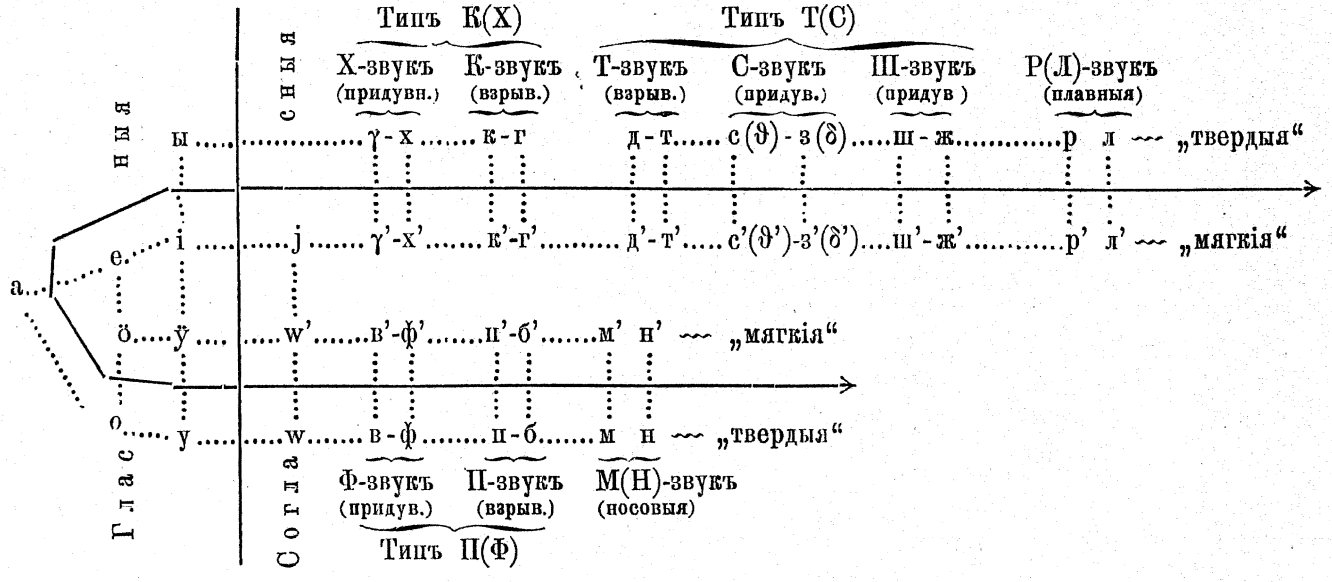
---

[1]) Въ области анатомо-физіологической имъ соотвѣтствуютъ звукоартикуляціи переходныя.

[2]) Черточкою соединены въ таблицѣ пары по звонкости и глухости (напр. в—ф и т. п.), а точки указываютъ на возможность постепеннаго видоизмѣненія одного въ другое связываемыхъ ими звукоощущеній.

Чтобы изображеніе звуковъ буквами не служило поводомъ къ смѣшенію проводимыхъ мною двухъ точекъ зрѣнія, можно бы воспользоваться двумя шрифтами русскаго алфавита: обыкновеннымъ — для обозначенія „звукоартикуляцій“ и готическимъ — для обозначенія „звукоощущеній“. Однакожъ, для избѣжанія типографскихъ трудностей, я примѣнилъ въ таблицѣ обыкновенный шрифтъ для звукоощущеній.

Табеллярное представленіе рядовъ звукоощущеній. [1])



[1]) Таблицу классификаціи звукоартикуляцій см. въ моемъ Курсѣ грамм. рус. яз. (l. c.).

чія между гласными и согласными въ отношеніи *звукоартикуляцій* я уже указывалъ на важность опытовъ надъ усиленіемъ произношенія тѣхъ и другихъ звуковъ; [1]) ср. напр. а̄ || д̄: по мѣрѣ усиленія звука *а* увеличивается открытость, а съ усиленіемъ *д* увеличивается съуженность (какъ въ дѣйствіи нижней челюсти, такъ равно и органовъ произношенія). Со стороны *слуховыхъ ощущеній* гласные звуки характеризуются самою полною звучностью или сонорностью, согласные же—шумами или шорохами (по степени сонорности всѣ звуки могутъ быть расположены въ нѣсколько группъ: 1) гласные, 2) согласные плавные и носовые (довольно близко стоящіе по своей сонорности къ гласнымъ), 3) звонкіе придувные, 4) звонкіе гласные, 5) глухіе звуки). [2])

---

[1]) См. Курсъ грам. рус. яз., Р. Ф. В. т. X, 1883, стр. 205--206 (отд. отт. 29—30).

[2]) Съ точки зрѣнія физической акустики, гласные — чисто музыкальные звуки, согласные же характеризуются шумомъ (музыкальный звукъ получается отъ достаточно быстрыхъ періодическихъ или правильныхъ колебаній, а шумъ — отъ колебаній непериодическихъ). При разныхъ гласныхъ полость рта имѣетъ разное уложеніе, а вслѣдствіе этого заключающаяся въ ней воздушная масса получаетъ разную настройку. При этомъ голосовыя связки, вибрируя какъ цѣлыя и своими частями, издаютъ основной тонъ, соединяющійся съ верхними гармоническими тонами; изъ этихъ послѣднихъ тѣ, которые болѣе приближаются къ настройкѣ воздушной массы полости рта, болѣе резонируются, остальные же, чѣмъ менѣе они соотвѣтствуютъ настройкѣ воздушной среды, тѣмъ болѣе бываютъ заглушены. Вслѣдствіе этого и происходитъ различіе оттѣнка или тембра, обусловливающее различіе гласныхъ. — Что касается указываемаго нами различія степеней сонорности, то оно зависитъ отъ различія въ характерѣ надставныхъ трубъ, свойственныхъ разнымъ звукамъ; при глухихъ кромѣ того отсутствуетъ голосовой тонъ. Объясненіе того обстоятельства, что гласные произносятся вообще только звонко, см. у меня Введеніе въ изуч. рус. вокал., Р. Ф. В. VII, 1882, стр. 97—98 (отд. отт., вып. 1, стр. 12—13).

III. Отраженіе первоначальныхъ гласныхъ ĕ, ŏ, ă въ „независимомъ“ по преимуществу положеніи въ древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ.

Строго говоря, каждое положеніе звука въ словѣ является зависимымъ; но въ однихъ условіяхъ звукъ (звукоартикуляція) испытываетъ съ теченіемъ времени бо́льшія измѣненія, а въ другихъ — меньшія. Условія,

---

[1]) Для приступающаго къ изученію сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ полезно ознакомиться предварительно съ самыми основными данными; для этой цѣли могла бы служить глава XI моего Курса грам. рус. яз. (ч. 1-ая: Фонетика. 1887). Было бы даже лучше и изъ этой главы взять только главнѣйшее, а именно: *стр. 281—286* (§ 87: рефлексы первоначальнаго *k^2; § 88: *k^1; § 89: о смягченіи *k^2); *стр. 295—302* (§ 90: *p и *t; § 91: рефлексы первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ; § 92: рефлексы первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ; § 93: рефлексы прочихъ согласныхъ); *стр. 302—307* (§ 94: о главнѣйшихъ явленіяхъ вокализма аріо-европейскихъ языковъ); *стр. 314—317* (первоначальные долгіе гласные: *ē, *ō, *ā; обзоръ факторовъ, участвовавшихъ въ развитіи аріо-европейскаго вокализма; возникновеніе „славянскаго“ подъема).—Что касается обзора индо-европейскихъ языковъ, то таковому въ указанномъ сочиненіи посвящена глава II.— Для вступительныхъ замѣчаній см. главу I-ую моего Курса сравнит.

наиболѣе благопріятствующія сохраненію звука, могутъ быть приняты за относительно независимое (свободное) его положеніе. Для гласныхъ звуковъ таковымъ является преимущественно нахожденіе въ ударяемомъ слогѣ, хотя и здѣсь они не могутъ остаться вполнѣ свободными отъ вліянія разныхъ измѣняющихъ моментовъ, напр. отъ вліянія сосѣднихъ согласныхъ и т. п.

Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуки, по-видимому, сохранились безъ измѣненія отъ индоевропейскаго праязыка даже до настоящаго времени, напр. *t = н.-греч. t, рус. t и т. п. Но тутъ лишь кажущаяся одинаковость. Звукъ не могъ остаться тожественнымъ съ своимъ первоначальнымъ состояніемъ. Припомнимъ, что нашъ говорильный аппаратъ образуется изъ группъ мышцъ, совершающихъ подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ требующіяся для произношенія работы; но было бы при этомъ ошибкой думать, что каждому звуку соотвѣтствуетъ группа совершенно особыхъ мышцъ. Напротивъ, одна и та же мышца можетъ работать при произнесеніи разныхъ звуковъ. Отсюда понятно, что замѣтныя измѣненія, происшедшія съ нѣкоторыми звукоартикуляціями, не могли не отразиться на характерѣ произношенія другихъ звуковъ, повидимому оставшихся внѣ измѣненія, на самомъ же дѣлѣ нѣсколько видоизмѣнившихся, хотя измѣненіе и ускользаетъ отъ наблюденія изслѣдователей.

О порядкѣ изложенія сравнительной фонетики замѣчу, что сначала разсматриваю основные рефлексы (т. е. въ относительно независимомъ положеніи), затѣмъ слѣдуетъ указаніе побочныхъ рефлексовъ и частныхъ явле-

---

грам. индоевроп. языковъ („Взглядъ на исторію языковѣдѣнія въ текущемъ столѣтіи. Преобразованія, необходимыя въ сравнительной грамматикѣ.“), начатаго печатаніемъ въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1890, № 2. Вторая половина этой главы издана мною въ нѣмецкомъ переводѣ: *Bogoroditzki W.* Einige Reformvorschläge auf dem Gebiete der vergleichenden Grammatik der indoeuropäischen Sprachen. Kasan 1890.

ній, далѣе — звуковыя чередованія и, наконецъ, обзоръ развитія звуковаго въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ индоевропейскаго семейства языковъ отъ первоначальнаго праязыковаго состоянія до настоящаго времени. Этотъ порядокъ соблюдается при разсмотрѣніи какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ.

Теперь укажу тѣ сокращенія и знаки, которыми буду пользоваться при изложеніи фонетики:

К. т. е. корень.
Сф. „ суффиксъ.
Ок. „ окончаніе.
Ос. „ основа.
V „ vocalis (гласный звукъ).
C „ consonans (согласный звукъ).
S „ spirans (придувной согласный).
E „ explosiva (взрывной согласный).
$\mathbf{C}^{t}$ „ consonans tonans (звонкій согласный).
$\mathbf{C}^{at}$ „ consonans atona (глухой согласный).
L „ liquida (плавный согласный).
N „ nasalis (носовой согласный).
$\doteq$ „ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.
|| „ знакъ чередованія въ сферѣ одной и той же морфологической части (морфемы) въ томъ или другомъ языкѣ.
: „ знакъ отношенія между формами, напр. λείπω : ἔλιπον = φεύγω : ἔφυγον.
| „ знакъ, служащій для дѣленія слова на слоги.
- „ знакъ, служащій для дѣленія слова на морфологическія части.
$\rightarrow$ „ знакъ звуковаго измѣненія въ сферѣ звукоартикуляціи; направленіе стрѣлки указываетъ, что̀ во что̀ измѣняется; откуда pt $\rightarrow$ ft можно изобразить и иначе: ft $\leftarrow$ pt.
$\twoheadrightarrow$ „ знакъ для акустической замѣны одного звука сходнымъ другимъ, напр. *н'* $\twoheadrightarrow$ *м'* (напр. Микита), *м'* $\twoheadrightarrow$ *н'* (небель).

⇝ „ знакъ заимствованія; напр., *нѣм.* Stich ⇝ *рус.* штыкъ (т. е. заимствованіе тутъ изъ нѣмецкаго языка въ русскій).

⌈ „ знакъ аналогіи; напр. πέφευγα ⌈ φεύγω..., т. е. гласный ευ утвердился въ формѣ perf. по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ φεύγω и т. п.

⌊ „ знакъ для народной этимологіи.

° „ знакъ того, что данное слово, передъ которымъ поставленъ этотъ значекъ, употребляется въ концѣ сложенія; напр. °ηγός (ср. κυνηγός и т. п.)

○ „ нуль звука.

< „ знакъ для производства; напр. **могж** < **помагати**, т. е. отъ глагола **могж** образуется глаголъ **помагати**.

Въ прилагаемомъ спискѣ изданій и сочиненій по сравнительной грамматикѣ (преимущественно—фонетикѣ) индоевропейскихъ языковъ указывается въ скобкахъ и сокращенное обозначеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Archiv für slavische Philologie unter mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausg. von V. Jagić. 1876 сл. (Arch. f. sl. Phil.).

Ascoli G. J. Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen. Uebersetzt von Bazzigher und Schweizer-Sidler. 1872. (Ascoli Vorles).

Aucher P. A dictionary English and Armenian, and Armenian and English. I, II. Venice. 1821, 1825.

Baudry F. Grammaire comparée des langues classiques. 1-re Partie: Phonétique. 1868.

Behaghel O. Die deutsche Sprache. 1886.

Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausg. von Dr. Ad. Bezzenberger. 1877 сл. (Bzzb. Btr.).

Богородицкій В. Лингвистическія замѣтки. Вып. I: О морфологической абсорпціи. 1881.

Богородицкій В. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань. 1884.

Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. 1893. (Бод.).

Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Th. 1—VII. S.-Pb. 1879—1889.

Bopp F. Vergleichende Grammatik. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. I—III. Berl. 1857—1861. (Bopp I², II², III²). Къ этому изданію: Ausführliches Sach- und Wortregister von C. Arendt, 1863.

Bopp F. Glossarium sanscritum. 1847. (Bopp Gl.).

Brachet A. Grammaire historique de la langue française. 34-e éd. Сокращенное изложеніе этой книги: *Крушевскій Н.* Французская грамматика. 1891.

Brachet A. Dictionnaire étymologique de la langue française. 17-e éd.

Брандтъ Р. Грамматическія замѣтки. Т. I. Изд. 2-е. 1886.

Bréal M. et *Bailly A.* Dictionnaire étymologique latin. 2-e éd. 1886.

Brugmann K. Griechische Grammatik, помѣщена въ Handbuch der klassichen Altertumswissenschaft, herausg. von Dr. Müller, B. II; 1-ое изд. 1882, 2-ое дополненное 1890 г. (Brugm. Griech. Gr.).

Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogerm. Sprachen. B. I, II, 1886—1892. Къ этому труду: Indices, 1893. (Brugm.). Обработку сравнительнаго синтаксиса принялъ на себя *K. Delbrück.*

Brunot F. Grammaire historique de la langue française. 1887.

Буличъ С. Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Ч. I. 1893.

Corssen W. Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache. 2-te Aufl. I. II, 1868—1870. (Corss.).

Curtius G. Grundzüge der Griechischen Etymologie. 5-te Aufl. 1879. (Curt. Gz.).

Diez F. Grammatik der romanischen Sprachen. 1856—1860 Ср. *Крушевскій Н.* Важнѣйшія данныя фонетики романскихъ языковъ. 1894.

Diez F. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. 3-te Ausg. I, II, 1869—1870. Къ нему Index von *Jarník*, 1878.

Fick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3-te Aufl. 1874—1876. Теперь выходитъ четвертымъ изданіемъ.

Foy K. Lautsystem der griechischen Vulgär-Sprache. 1879.

Fuchs A. Die romanischen Sprachen. 1849.

Горяевъ Н. Опытъ сравнительнаго этимологич. словаря литературнаго русскаго языка. 1892. Ср. *С. Б(уличъ)* въ В. Евр. 1893, № 4; *Г. У(льяновъ)* въ Р. Ф. В. 1893, № 1.

Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. 1873.

Grimm J. Deutsche Grammatik. Neuer vermehrter Abdruck besorgt durch W. Scherer. I—II, 1870—1878. III—IV, 1831—1837. Нужно еще указать Register zu J. Grimm's deutsche Grammatik, von *K. Andresen*, 1865.

Gröber G. Grundriss der romanischen Philologie. Herausg. von..., I. 1888. Коллективный трудъ: разные отдѣлы написаны отдѣльными учеными, но по общему плану.

Henry V. Précis de grammaire comparée du grec et du latin. 2-e éd. 1889.

Henry V. Précis de grammaire comparée de l'anglais et de l'allemand rapportés à leur commune origine et rapprochés des langues classiques. 1893.

Hübschmann H. Das indogerm. Vocalsystem. 1885.

Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogerm. Sprach- und Altertumskunde, herausg. von K. Brugmann und W. Streitberg. 1891 сл. (IF).

Justi F. Handbuch der Zendsprache: Wörterbuch, Grammatik, Chrestomathie. 1864.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.

Koch C. Fr. Historische Grammatik der englischen Sprache. I—III. 1863—68.

Körting. G. Encyklopädie und Methodologie der englischen Philologie.

Körting G. Encyclopädie und Methodologie der romanischen Philologie mit besonderer Berücksichtigung des französichen und italienischen. I—III. 1884—86.

Körting G. Lateinisch-romanisches Wörterbuch. 1891.

Крушевскій Н. Наблюденія надъ нѣкоторыми фонетическими явленіями, связанными съ акцептуаціей. Казань. 1879. (Изслѣдованіе въ области санскрита).

Крушевскій Н. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старо-славянскаго вокализма. 1881. (Круш.).

Крушевскій Н. Антропофоника. Посмертное изданіе. 1893.

Kurschat F. Grammatik der littauischen Sprache. 1876.

Kurschat F. Wörterbuch der littauischen Sprache.

Legrand E. Nouveau dictionnaire grec moderne français et français grec moderne.

Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 2-te völlig umgearbeitete Auflage. 1886. Русскій переводъ: Грамматика старославянскаго языка, съ дополненіями по языку Остромирова Еванг. Москва. 1890.

Leskien A. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. 1876.

Mahlow. Die langen Vocale A E O in den europäischen Sprachen.

Masing L. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents etc. 1876.

Meyer G. Griechische Grammatik. 2-te Aufl. 1886. (G. M.).

Meyer G. Albanesische Grammatik.

Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesichen Sprache. 1891.

Meyer L. Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache. 1861—1865.

Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. 1862—1865.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1886. (Mikl. Etym. Wb.). Ср. по поводу этого труда *F. Fortunatov* Phonetische Bemerkungen, въ Arch. f. sl. Phil. XI 561—575, XII 95—103.

Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I-er B.: Phonet. 2 Ausg. 1879. II 1875, III² 1876, IV 1874. Морфологія имѣется въ рус. переводѣ *Н. Шлякова* подъ редакціей *Р. Брандта* (съ примѣчаніями).

Миллеръ В. Осетинскіе этюды. Ч. I—III. 1882—1887.

Миллеръ В. и *Кнауэръ Ѳ.* Руководство къ изученію санскрита. 1891.

Osthoff H. und *Brugmann K.* Morphologische Untersuchungen. I—V. 1878—90. (MU).

Passy P. Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux. 1890.

Paul H. Grundriss des germanischen Philologie. I. Коллективный трудъ.

Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache mit besonderer Berücksichtigung des Neuhochdeutschen und einem deutschen Wörterverzeichniss. 1892.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, издав. подъ редакціей проф. А. Смирнова (начатъ проф. Колосовымъ). Варшава. 1879 сл.

Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, herausg. von W. Braune: 1) *W. Braune*, Gotische Grammatik mit einigen Lesestücken und Wortverzeichniss, 1880; 2) *H. Paul*, Mittelhochdeutsche Grammatik, 1881; 3) *E. Sievers*, Angelsächsische Grammatik, 1882; 4) *A. Noreen*, Altisländische und altnorwegische Grammatik unter berücksichtigung des urnordischen, 1884; 5) *W. Braune*, Althochdeutsche Grammatik, 1886; 6) *O. Behaghel* und *J. Gallée*, Altsächsiche Grammatik, 1891.

Saussure F. Mémoire sur le système primitif des voyelles. 1879. (Sauss.).

Шерцль В. Сравнительная грамматика славянскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Часть I: Фонетика (1871). Часть II: Словообразованіе (1873).

Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. I—II. 2-te Aufl. 1866; 4-te Aufl. 1876 (Schl. Comp.).

Schleicher A. Indogermanische Chrestomathie. 1869.

Schleicher A. Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. 1852.

Schleicher A. Handbuch der litauischen Sprache. I. Grammatik. II. Lesebuch und Glossar. 1856—1857.

Schleicher A. Die deutsche Sprache. Dritte Auflage. 1874.

Schmidt J. Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus. 1871—1875.

Skeat W. An etymological dictionary of the english language.

Соболевскій А. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891.

Stoltz F. und *Schmalz J.* Lateinische Grammatik (въ Hdb. d. klass. Altertumswissenschaft, hrsg. von Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik, hrsg. von G. Curtius. I—X. 1868—1878. (Curt. Stud.).

Томсонъ А. Историческая грамматика современнаго армянскаго языка. 1890.

Ульяновъ Г. Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ. I, 1888. II, 1891.

Vinson J. Éléments de la grammaire générale hindoustanie. 1883.

Whitney A. A sanskrit grammar. 1879. Есть въ нѣм. переводѣ.

Windisch E. Kurzgefasste irische Grammatik. 1879.

Windisch E. Irische Texte mit Wörterbuch. 1880.

Востоковъ А. Словарь церковно-славянскаго языка. I—II. 1858—1861. Изданіе втораго отдѣленія академіи наукъ, въ Матеріалахъ для сравн. и объясн. словаря и грамм., т. IV.

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, hrsg. von A. Kuhn u. a. 1852 сл. (KZ).

Zeuss Grammatika celtica. Ed. altera, curavit H. Ebel. 1871.

Цвѣтаевъ И. Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глоссаріемъ. 1877.

Залеманъ К. и *Жуковскій В.* Краткая грамматика новоперсидскаго языка съ приложеніемъ метрики и библіографіи. 1890.

Группа I.

Brugm. I стр. 48—62. *Sauss.* 126—133. *G. M.* 5—7. *L. M.* 224—230. *Бод.* 331—333. *Круш.* 97—100.

1. *Скт.* bhárāmi „несу“ = *зд.* barāmi = *арм.* berem = гр. φέρω = *алб.* biér = *лат.* fero = *кел.* berim „несу, рождаю“ = *гот.* baíra „несу, рождаю“ [1]) = *др.-цсл.* берж. [2])

ае. К. **bher-*. [3])

---

[1]) Въ другихъ герм. нарѣчіяхъ отмѣтимъ родств. слова: *н.-вн.* gebäre; *англ.* J bear (бэр), *др.-англ.* bere.— Знакъ *ai* въ гот. служитъ для обозначенія двухъ разныхъ по происхожденію звуковъ: а) краткаго *e* (по примѣру Гримма этотъ случай, который наблюдается въ готскихъ словахъ передъ *r* и *h*, отличаютъ постановкой ударенія на *i*), и б) древняго дифтонга. Аналогичную двойственность представляетъ въ гот. также начертаніе *au;* когда оно обозначаетъ *ŏ* (что встрѣчается передъ *r* и *h*), то надъ *u* ставятъ ударение для отличія отъ дифтонга.— Относительно перехода къ значенію „рождать“ ср. такіе случаи употребленія въ русскомъ языкѣ глагола *нести*, какъ: *нести яйца* или *нестись* (о птицахъ); о животныхъ въ смыслѣ „родить“, напр. *овца принесла ягненка* и т. п.; о женщинѣ въ смыслѣ „быть беременною, рождать“, напр. *носи дѣвицу, носи молодицю* (привѣтствіе свахъ молодымъ); или — *ему жена сына принесла* и т. п.; о растеніяхъ — *устарѣлая яблоня ничего не приноситъ.*

[2]) Въ литов. отсутствуетъ глаголъ разсматриваемаго корня, но имѣется родственное сущ. bérnas „дитя, слуга“ (относительно значенія „дитя“ ср. готскій и кельт. глаголъ; для перехода къ значенію „слуга“ ср. русское слово *отрокъ*).

При транскрипціи литовскихъ словъ посредствомъ *Gravis* обозначаютъ краткій ударяемый гласный, а посредствомъ *Acutus* — долгій ударяемый гласный.

[3]) Основными значеніями являются „брать, нести“. Связь между этими дѣйствіями и развитіе значеній легко представить себѣ: брать, нести взятое, забирать. Любопытно, что въ греч. оба корня, соотвѣтствующіе русскимъ *бер-* и *нес-* составили одну глагольную систему (для значенія „нести“) такимъ обра-

2. *Скт.* vā́hāmi „веду, везу, ѣду“ ≠ *зд.* vazāmi ≠ *гр.* Fέχω [1]) ≠ *алб.* viéϑ „краду (первон. увожу)“ ≠ *лат.* veho ≠ *кел.* К. feg-, ср. fēn изъ *fegn „повозка“ ≠ *гот.* gaviga „двигаю“, совр. нѣм. bewege ≠ *лит.* vežù ≠ *др.-цсл.* вєрѫ.

ae. К. *veĝh-*.

3. *Скт.* ásti „онъ есть“ ≠ *зд.* asti ≠ *гр.* ἐστί и ἐστι [2]) ≠ *лат.* est ≠ *кел.* is или iss [3]) *гот.* (вн., др.-с.)

зомъ, что к. φερ- примѣняется только въ системѣ настоящаго времени, для прошедшихъ же временъ служитъ к. νεκ- = *нес-*.— Нужно думать, что и употребленіе корня **bher-* въ смыслѣ „приносить, рождать“ восходитъ къ очень древней эпохѣ (быть можетъ — праязыковой), такъ какъ это значеніе встрѣчается во многихъ индоевропейскихъ языкахъ, напр. рус. *бере*менная, лат. *fer*tilis и т. д. — Морфемы аріоевропейскаго (индоевропейскаго) праязыка выставляются мною въ наиболѣе употребительномъ обозначеніи.

[1]) На существованіе такого глагола указываетъ форма Fεχετω, встрѣчающаяся въ одной памфил. надписи (см. G. M. 6, сноска; впрочемъ G. Meyer высказывается осторожно относительно этой формы: „*можетъ быть* она происходитъ отъ глагола Fεχω“, но онъ къ сожалѣнію не мотивировалъ своей осторожности; между тѣмъ Brugm. I 68 безъ всякой оговорки отмѣчаетъ памфил. Fέχω). Глаголъ Fέχω, съ утратою начальнаго F, долженъ былъ совпасть съ глаголомъ ἔχω другаго происхожденія — отъ корня σεχ- (*σεχω → ἑχω → ἔχω, гдѣ густое придыханіе надъ начальнымъ ε исчезло вслѣдствіе диссимиляціи съ придыхательнымъ χ, начинавшимъ собою слѣдующій слогъ); быть можетъ, благодаря совпаденію, разсматриваемый глаголъ и вышелъ изъ употребленія, замѣнившись другими сходными по значенію выраженіями. Впрочемъ въ греч. удержалось соотвѣтствующее сущ. ὄχος (изъ Fόχος) „возъ, повозка“ и производный отъ него глаголъ ὀχεῖσθαι „ѣхать на ч.-л.“.

[2]) Форма ἔστι сохраняетъ удареніе на корнѣ, когда стоитъ въ началѣ предложенія, также когда означаетъ „существуетъ, возможно“, напр. ἔστι θεός „есть Богъ“, οὐκ ἔστι „нельзя, невозможно“.

[3]) Здѣсь *i* произошло путемъ ослабленія изъ **e*, благода-

ist, arc. is = *лит.* ésti и èsti [1]) = *др.-цсл.* **ѥсть**.
ae. K. **es-*.

4. *Скт.* nábhas (ср. р.) „облака, воздушное пространство, небо“ = *гр.* νέφος = *лит.* debes-ì-s [2]) = *др.-цсл.* **нєбо**.

ря тому, что эта форма не имѣетъ ударенія во фразѣ и встрѣчается, напр., въ такихъ выраженіяхъ, какъ *is mẽ*=франц. c'est moi, гдѣ удареніе падаетъ на *mẽ*; конечное *s*, *ss* ← — *st. И такъ, кельтское *i* въ данномъ случаѣ получилось въ зависимомъ положеніи, а такіе „побочные“ рефлексы мы разсмотримъ особо, въ настоящей же главѣ нужно имѣть въ виду только нормальные рефлексы (въ независимомъ положеніи).

[1]) Это — старая форма; теперь же обыкновенно употребляется въ качествѣ связки слово ìrà, происходящее отъ другого корня и не совсѣмъ еще разъясненное. Въ мѣстечкѣ Полангенѣ, гдѣ я наблюдалъ жмудское нарѣчіе, употребляются формы: *ir* (муж.) || *ìra* (ж.), напр. *ons ir gìĩs* „онъ живъ“, *ar gã'tava ìra kã'va*? „готовъ ли кофе?“ Здѣсь намъ представляется, такимъ образомъ, своеобразный случай согласованія въ родѣ въ области литовскаго глагола (ср. церк.-слав. дифференціацію по родамъ глагольныхъ окончаній двойств. числа **-ва** || **-вѣ**, **-та** || **-тѣ**).

[2]) Въ литовскомъ категорія средняго рода вышла изъ употребленія, перешедши по большей части въ мужеское склоненіе. Какъ на одну изъ причинъ такого именно направленія въ переходѣ словъ средняго рода можно указать на обычную общность склоненія для словъ муж. и ср. рода (часто различающихся между собою лишь въ падежахъ И. В. Зв.). Съ перемѣною рода наше слово перешло въ разрядъ основъ на *-i-*, такъ что первоначальная сигматическая основа является уже распространенною гласнымъ *i*.— Начальное *n* разсматриваемаго корня на почвѣ литовско-латышской замѣнилось соотвѣтствующимъ неносовымъ, т. е. *d*. Это — случай *спорадической* замѣны звуковъ. Подстановка звука *d* на мѣсто *n* объяснима вліяніемъ согласнаго слѣдующаго слога: согласный этотъ (*b*) — непосовой, что и способствовало смѣнѣ посоваго (*n*) въ предшествующемъ слогѣ на однородный, т. е. зубной, неносовой (*d*). Однако это толкованіе еще не разъясняетъ, почему въ этомъ именно словѣ

Греч. νεφέλη = *лат.* nĕbula = *кел.* nĕl изъ *neblo- = *др.-вн.* nebul (п.-вн. Nebel).

ае. К. **nebh-*.

Подобное же соотношеніе гласныхъ наблюдается въ индоевропейскихъ языкахъ также во многихъ другихъ корняхъ, являющихся въ наст. времени первичныхъ глаголовъ, въ сигматическихъ основахъ и др. Оно встрѣчается также въ придаточныхъ морфемахъ и въ разнаго рода частицахъ, напр.:

5. *Скт.* nábhasas (Р. ед.), jánasas и т. п. = *гр.* νέφεος или νέφους, γένεος или γένους и т. п. [1]) = *лат.*

случилась ассимиляція согласныхъ на разстояніи. Нужно добавить, что въ данномъ словѣ были и другіе благопріятные для измѣненія моменты: 1) положеніе относительно ударенія, при чемъ слогъ *ne-* (ne|be|sis) былъ слабымъ, занимая второе мѣсто передъ удареніемъ, а относительная слабость звука благопріятствуетъ видоизмѣненію его подъ вліяніемъ сосѣдняго болѣе сильнаго слога; 2) положеніе слабаго звука въ началѣ слова въ неподвижныхъ условіяхъ является изолированнымъ и потому благопріятнымъ для спорадическихъ измѣненій. Что касается направленія ассимиляціи, то здѣсь имѣетъ мѣсто обычное или регрессивное направленіе, т. е. къ началу слова, при чемъ согласный болѣе сильнаго слога (перваго передъ удареніемъ) повліялъ на согласный слабаго слога (втораго передъ удареніемъ). Разсмотрѣнный случай напоминаетъ аналогичную ассимиляцію, но только въ области гласныхъ звуковъ, въ окающихъ великорусскихъ говорахъ: *зобод'от*, *зорое'т'от* и т. п.

Изъ сказаннаго видно, что значеніе ударенія не ограничивается гласными звуками слова, но играетъ роль и въ жизни согласныхъ звуковъ.

[1]) Въ греч. σ между гласными исчезло, такъ что -εσ-ος → -εος. Формы Р. ед. на -εος отъ сигматическихъ основъ встрѣчаются у Гомера, Геродота, въ лесб. и дорич. Въ атт. εο → ου (ū), вслѣдствіе чего получилось окончаніе -ους, гдѣ въ гласномъ ου слились гласный суффикса и гласный окончанія.

genĕris . . . [1]) ≠ *др.-цсл.* нєб-єс-є . . . [2])
ае. Сф. *-*es*-.

Точно такіе же рефлексы повторяются въ цѣломъ рядѣ иныхъ случаевъ (напр. въ окончаніи Зв. ед. 2-го скл. -ε λύκε; въ извѣстныхъ формахъ 1-го спряженія тематическій гласный -ε- λέγετε; въ аугментѣ ἐ-; въ удвоеніи, πέ-φευγ-α и т. п.; въ нарѣчіяхъ и предлогахъ, ἐπί, περί и пр.; въ частицахъ, τε, не и др.).

Разсмотрѣнные случаи приводятъ къ установленію слѣдующаго звукового соотвѣтствія: арійскіе языки представляютъ ă, между тѣмъ какъ армянскій и европейскіе ĕ (частію *i*).

Группа II.

Brugm. I 67—83. *Sauss.* 70—95. *G. M.* 7—10. *L. M.* 237—244. *Бод.* 335—337. *Круш.* 101—102.

6. *Скт.* bhārás *м.* „ноша, бремя, грузъ (въ сложеніи съ несомымъ или носителемъ); множество; бремя — въ переносномъ смыслѣ, тяжелая работа, трудъ; опред. вѣсъ; плечевое ярмо“ || bhāras несеніе; унесеніе — пріобрѣтеніе, выгода; унесеніе — похищеніе, борь-

---

[1]) Въ этой и подобныхъ ей формахъ *r* произошло изъ *s* между гласными. Вмѣсто ĕ въ данномъ неударяемомъ положеніи обыкновенно является *i* (ср. въ повелит. накл. лат. legite ≠ λέγετε), только передъ *r* и *h* въ томъ же неударяемомъ положеніи оказывается *e*. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ усложненными вслѣдствіе неударенности условіями, а не съ простымъ или независимымъ положеніемъ; потому ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса должно быть отнесено въ главу вторичныхъ явленій вокализма. Такіе случаи, какъ лат. legite противъ греч. λέγετε, указываютъ, что зависимое и независимое положеніе разнообразится въ отдѣльныхъ языкахъ.

[2]) Въ литовскомъ, какъ мы видѣли, соотвѣтствующая основа перешла въ разрядъ образованій на -*i*-: deb-es-i-s (И. ед.).

ба; ноша, бремя; множество; опред. вѣсъ“, б. ч. °bhá-ras „несущій, дающій, получающій“ [1]) ≠ *зд.* bara- *м.* „поѣздка“ [2]) ≠ *арм.* сф. -vor (соб. „несущій, приносящій“), напр. lusavor „ясный“ [3]) ≠ *гр.* φόρος „бремя, дань, подать“; °φόρος, напр. καρποφόρος „плодоносный“; φορός *прил.* „соб. несущій; беременная, бережая и пр.;

---

[1]) Форма съ корневымъ краткимъ гласнымъ ближе подходитъ къ глагольному значенію; это особенно видно въ томъ случаѣ, когда слово является вторымъ членомъ сложенія, гдѣ оно можесъ быть переведено причастіемъ и все сложеніе имѣетъ смыслъ прилагательнаго. Ниже мы скажемъ подробнѣе объ этомъ явленіи.

[2]) Въ зендѣ глаголъ *barāmi* значитъ „несу; *Med.* ѣду, ѣду верхомъ“. Ср. въ рус. значеніе глагола нести въ выраженіи: „*Всадникъ несется по полю*“. Сущ. *bara-* указывается только въ смыслѣ „поѣздки“; въ смыслѣ же „onus“ употребляется слово *vazyat* ср. р., отъ К. *vaz* (vazāmi „тащу“).

[3]) По образованію это прилагательное соотвѣтствуетъ греч. λευκο-φόρος. Рядомъ имѣется сложеніе lus-a-ber (Brugm. II, 43), гдѣ гласный одинаковъ съ гласнымъ звукомъ родственнаго глагола (berem) и можно думать, что это °ber представляетъ собою новообразованіе по аналогіи къ глаголу berem (°ber ↑ berem). Въ этомъ убѣждаетъ, кромѣ одинаковости по гласному звуку, также одинаковость по согласному и, наконецъ, сходство въ значеніи — глагольный характеръ значенія, между тѣмъ какъ древнее -*vor* (= -φόρος) превратилось въ суффиксъ, подобно н.-вн. -*bar*. Слову *lusaber* соотвѣтствуетъ лат. *lucifer*. Въ русскомъ языкѣ наблюдается рядъ аналогичныхъ дублетовъ, напр. задоръ || горлодеръ, міродеръ; токъ, потокъ || подтекъ; мотъ || пометъ, банкометъ; ср. также — припекъ, хлѣбопекъ, прилетъ, вылетъ и т. п. И въ русскихъ примѣрахъ я объясняю *е* аналогіей. Дѣйствіе аналогіи въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ проявилось между двумя частями рѣчи — глаголомъ и именемъ (сущ. resp. прил.): видъ корня, свойственный глаголу, распространился на имя. Кажется, что и двойственность, замѣчаемая въ санскритѣ, имѣетъ такое же происхожденіе: bharás || bhára (↑), при чемъ санскритское корневое долгое *a* соотвѣтствуетъ европейскому и армянскому ŏ, краткое же *a* — европ. и арм. ĕ. Ср. Круш. стр. 31—32, сноска.

попутный — о вѣтрѣ“ ≠ *н.-вн.* сф. -bar ≠ *др.-усл.* °**боръ**, напр. **съборъ**.

ае. К. **bhor-*.

7. *Скт.* vā́hás *м.* „вьючное животное; повозка; опред. мѣра вмѣстимости; какъ названіе дѣйствія — тащеніе, ѣзда, теченіе“; °vāhas „тащущій, ѣдущій, текущій“, напр. bhāravāhas, *прил.* и *сущ.*, „тащущій тяжесть, посильщикъ“ || váhas *м.* „вьючное животное; плечо яремнаго или вьючнаго животнаго; плечевая часть ярма“; °vahas=°vāhas [1]) ≠ *зд.* °vāza-, напр. fra-vāza- *м.* „двиганіе впередъ, споспѣшествованіе“ = *скт.* pravāhá- ≠ *гр.* ὄχος *м.* „повозка“ [2]) ≠ *лит.* °važas, напр. ùžvažas „взъѣздъ“ ≠ *др.-усл.* **возъ**.

ае. К. **vogh-*.

8. *Скт.* babhā́ra (perf. отъ bhárāmi) [3]) ≠ *зд.* °bavara (fra-bavara, 3 ед. того же времени). Въ *грец.* и *лат.* нашъ глагольный корень встрѣчается только въ системѣ настоящаго времени, прочія же времена образуются отъ другихъ корней ≠ *гот.* bar. [4]) *Арм.* и *литво-слав.* не имѣютъ перфекта.

ае. К. **bhor-*.

---

[1]) Мы не видимъ здѣсь разницы въ значеніи, какую отмѣтили выше; ср. въ русскомъ однаковость оттѣнка значенія въ сложеніяхъ: водовозъ || хлѣбопекъ.—Колебаніе гласнаго встрѣчаемъ и въ зендѣ, ср. bara- || °vāza-.

[2]) Отъ этого слова нужно отличать слово ὄχος „то, что держитъ, вмѣстилище, хранилище“, происходящее отъ того же корня, какъ и глаголъ ἔχω „имѣю, держу“; напр. νηῶν ὄχοι „вмѣстилища, хранилища кораблей“.

Въ *гот.* имѣется слово съ другимъ суф. wagan „currus“.

[3]) Эта форма можетъ быть 1 и 3 ед. perf. act.; но въ 1 ед. коренное *a* глаголовъ встрѣчается и краткимъ.

[4]) Также въ англ. отъ глагола to bear прошедшее время — J bar.

9. *Скт.* vāháyāmi „заставляю ѣхать, ѣхать верхомъ“ (1 sg. praes. causat.) ≠ *гр.* ὀχέω ≠ *гот.* vagja ≠ *др.-цсл.* **кожѫ, коꙁиши.**

ae. K. **voĝh-*.

Подобное же соотвѣтствіе мы встрѣчаемъ и въ придаточныхъ морфемахъ (напр. скт. nábhas ≠ νέφος ≠ **небо**, т. е. въ И. ед. средн. рода сигматическихъ основъ; также темат. гласный во второмъ склоненіи, напр. λύκος ≠ скт. vṛ́kas, или въ извѣстныхъ формахъ глагола, напр. φεύγομεν; въ предлогахъ **про** ≠ скт. pra, и т. п.)

Изъ разсмотрѣнія получается выводъ: арійскіе языки представляютъ ă, между тѣмъ какъ армянскій и европейскіе — ŏ, частію *a*, при чемъ послѣдній гласный свойственъ готскому и литовскому.

Арійскіе языки въ разсмотрѣнной нами группѣ представляютъ гласный *a*, который можетъ быть краткимъ и долгимъ. Разсматривая формы перфекта въ санскритѣ отъ корней съ гласнымъ *a*, Боппъ пришелъ къ установленію относительно ихъ того правила, что передъ простымъ согласнымъ является ā (гласный удлинившійся), передъ двумя согласными — ă (Bopp II² стр. 477—478). На это правило указывалъ затѣмъ Шлейхеръ (Comp.² стр. 62), противополагавшій въ этомъ случаѣ санскриту языкъ греческій, какъ такой, который не знаетъ подобной двойственности рефлексовъ, представляя въ формахъ перфекта въ обоихъ случаяхъ одинаково ο, напр.

jajā́na ≠ γέγονα
dadárça ≠ δέδορκα.

Бругманъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, постепенно пришелъ при своихъ изслѣдованіяхъ къ расширенію этого правила.

Разсматривая примѣры, приведенные въ группахъ первой и второй, легко замѣтить, что они чередуются между собою, напр.:

скт. bhárāmi || bhārás babhā́ra
гр. φέρω || φόρος φορέω
гот. baira || bar
и т. д.

Группа III.

Brugm. I 87—96. *Sauss.* 53—58, 63—64. *G. M.* 60—62 (§ 53). *L. M.* 212—218. *Бод.* 327—330.

10. *Скт.* ájāmi „гоню, бросаю“ = *арм.* acem (atsem) = *гр.* ἄγω = *лат.* ago = *лит.* agim = *др.-норд.* aka (неопр.).

Скт. ajás *м.* „движеніе, ходъ; погонщикъ“ = *гр.* ἀγός „полководецъ“. [1])

ае. К. **aĝ-*.

11. *Скт.* ákšas *м.* „ось экипажа; ключица (Анат.); опредѣл. мѣра длины“ [1]) = açan- *м.* „спица у колеса“ =

---

[1]) Приведенные примѣры знакомятъ съ одною особенностью третьей группы: мы видимъ одинъ и тотъ же гласный въ системѣ настоящаго времени кореннаго глагола и въ соотвѣтствующемъ существительномъ 2-го склоненія (ср. ἄγω || ἀγός). Здѣсь такимъ образомъ нѣтъ качественнаго чередованія въ вокализмѣ, подобнаго тому, какое мы видѣли между группою первою и второю (φέρω || φόρος || φορός). Нужно впрочемъ отмѣтить существованіе формы съ долгимъ гласнымъ: °ᾱγός (дор.), °ηγός (атт.), напр. дор. κυνᾶγος, атт. κυνηγός „охотникъ“; затѣмъ производный глаголъ ᾽ᾱγεισθαι ἡγεισθαι имѣетъ также долгій гласный (нѣкоторые относятъ этотъ глаголъ къ другому корню — *sāg (см. G. M. стр. 52). Въ виду подобнаго чередованія краткаго гласнаго съ долгимъ нерѣдко лингвисты (Sauss. 117 Hübschm. 146) разсматриваютъ гласный ă какъ сокращеніе соотвѣтствующаго долгаго; обсужденіе этого вопроса мы отложимъ до разсмотрѣнія долгихъ гласныхъ.

[2]) Слово akṷá- (съ ударéніемъ на концѣ) значитъ „*м.* игральная кость, игра въ кости; *ср.* опред. вѣсъ“. Это суще-

гр. ἄξων *м.* = *лат.* axis = *др.-вн.* ahsa [1]) = *лит.* ašìs = *др.-цсл.* **ось.** [2])

ае. К. **aĝ-s-*

12. *Скт.* °**açras** „-угольный“ (напр. catur-açra- „четырехугольный“) = *гр.* ἄκρος „остроконечный, острый“ = *др.-лат.* **a**crus) = (ācer = *лит.* **aš**trùs = *др.-цсл.* **остръ.** [3])

ствит. съ большею вѣроятностью можно относить къ К. **aĝ-*, т. е. къ глаголу ájāmi „гоню, бросаю“; въ такомъ случаѣ названіе игральной кости въ санскритѣ находится въ связи съ представленіемъ бросанія, такъ же какъ нѣм. *Würfel* состоитъ въ родствѣ съ глаголомъ *werfen* „бросать“. Чередованіе рода *муж.* и *ср.* въ санскритскомъ словѣ объясняется сходствомъ склоненія (во второмъ склоненіи слова муж. и ср. рода измѣняются совершенно одинаково, за исключеніемъ И. В. Зв., тогда какъ первое — женское склоненіе — занимаетъ особое положеніе); при этомъ съ различіемъ рода соединяется дифференціація значенія. Что же касается слова *ákšas* „ось“, то одни относятъ его къ К. **aĝ-*, предполагая первоначальное значеніе „гонитель“, тогда какъ другіе относятъ къ К. **aĥ-* (откуда греч. ἄκ-ρος, слав. **ос-тръ** и т. п.).

[1]) *ср.-вн.* ahse, *н.-вн.* Achse *ж.*; *агс.* eax, *англ.* axle (ä'кел), др.-англ. eaxel- (англійское слово представляетъ дальнѣйшее распространеніе посредствомъ суф. *-l-*; кромѣ того, мы видимъ въ англійскомъ палятализацію корневаго гласнаго, восходящую къ агс., вѣроятно — „Umlaut“).

[2]) Всѣ приведенныя подъ даннымъ нумеромъ слова имѣютъ одинаковое значеніе, но корень распространенъ не одними и тѣми же суффиксальными элементами, въ связи съ чѣмъ находится неодинаковость грамматическаго рода словъ, отчасти и неодинаковость ударенія (ср. скт. ákšas и лит. ašìs).

[3]) Въ русскомъ литературномъ языкѣ въ И. ед. въ простомъ прилаг. ударение на концѣ: *ж.* остра́, *ср.* остро́ (хотя въ сложномъ прил.—на корневомъ слогѣ). Въ этомъ случаѣ мы видимъ несогласіе между ударениемъ русскаго и греч. языка. Ср. еще Sauss. 157. — Что касается *t* между *s* (š) и *r*, то это — обычное явленіе зарожденія *t* между указанными звуками; впрочемъ, кажется, можно понимать это *t* и какъ часть особаго суффикса *-tr-*, ср. Бод. 298.

Скт. **açrís** „острый край, уголъ, лезвеё, остріе“ (въ концѣ сложенія = °**açras**) ≠ *лат.* **ācer ācris** ≠ *др.-цсл.* **острнє.** [1])

Лат. **acus** „игла“ ≠ *др.-цсл.* **осъть** (рус. осотъ, серб. осат и пр.). [2])

Арм. **aselն** „игла“.

ае. К. ***ak̄-**.

Теперь приведемъ примѣры для придаточныхъ морфемъ и частицъ:

13. Въ Зв. ед. перваго скл.: *скт.* **ámb-a** (при И. ед. **ambā́** „мать“) [3]) ≠ *гр.* **νόμφ-ᾰ** (при И. ед. **νόμφᾱ** эол. дор., или **νόμφη** іон.-атт.) ≠ *др.-цсл.* **жен-о**. Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, при сокращеніяхъ въ конечныхъ слогахъ и при смѣшеніи Зв. и Им., не воз-

---

[1]) Въ виду скт. и лат., можно предположить и для слав. форму ***острь**, отъ которой могло произойти данное слово. Съ этимъ предположеніемъ согласуются и другія производныя, напр. въ русскомъ языкѣ: *острёцъ, острица.*

[2]) значитъ „волчецъ“ (раст.). Слово *волчецъ* въ Словарѣ Даля считается общимъ названіемъ колючихъ сорныхъ травъ, при перечисленіи которыхъ называются между прочимъ –осотъ, игольчатка и др. — Въ виду лат. *ac-u-s* можно думать, что **осъть** представляетъ собою дальнѣйшее суффиксальное распространеніе изъ ***осъ**, т. е. ***осъ** < **осъть**. — Къ этому же корню относится и русское „осока“.

[3]) Только отъ трехъ словъ перваго склоненія, служащихъ для обозначенія матери, форма Зв. ед. оканчивается на -ă; въ прочихъ же случаяхъ въ классическомъ санскритѣ эта форма перваго склоненія оканчивается на -e (т. е. a+i, съ чѣмъ вполнѣ естественно сравнить греч. -οι, нп. λητοῖ). Къ этому надо прибавить, что помянутыя три формы употребляются и какъ частицы, въ смыслѣ восклицанія (ср. наши „батюшки!“ „матушки!“). Въ этомъ ихъ употребленіи въ качествѣ частицъ можно усматривать сохраненіе древности, какъ это нерѣдко бываетъ съ частицами.

можно съ достовѣрностью утверждать о тѣхъ или другихъ остаткахъ разсматриваемой нами формы.

ae. *-a.

14. *Скт.* ápa = *гр.* ἄπο = *лат.* ab = *гот.* af.

Выводъ: всѣ индоевропейскіе языки представляютъ краткое *a*, которому въ славянской вѣтви соотвѣтствуетъ *o*.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами трехъ группъ легко усмотрѣть, что качественному однообразію гласнаго арійскихъ языковъ, представляющихъ *a*, соотвѣтствуетъ разнообразіе въ языкахъ европейскихъ и армянскомъ. Спрашивается, какія фонемы предположить для праязыка въ этихъ случаяхъ. Исторію гипотезъ начнемъ съ Боппа. Въ то время въ наукѣ особеннымъ вниманіемъ пользовался санскритъ, въ которомъ ученые склонны были усматривать наибольшую архаичность. Это и понятно, такъ какъ именно открытіе этого языка вызвало возбужденіе, послужившее толчкомъ къ возникновенію въ первой четверти нынѣшняго столѣтія сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, основателемъ которой и былъ Боппъ. Въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ Боппъ предположилъ для индоевропейскаго праязыка фонему, аналогичную языкамъ арійскимъ, т. е. ă, вмѣстѣ съ тѣмъ принимая, что въ греческомъ и латинскомъ это первоначальное *a* частію сохранилось безъ измѣненія, частію же измѣнилось въ краткіе гласные — ĕ и ŏ. Выставляя такую гипотезу, знаменитый основатель сравнительной грамматики наблюдалъ возможную для того времени осторожность. Онъ не упустилъ изъ виду возможности другаго рѣшенія и, уже взвѣсивши обѣ гипотезы, остановился на одной изъ нихъ. Такъ, онъ прежде всего ставитъ себѣ вопросъ, не представлялъ ли и санскритъ такого же разнообразія гласныхъ, какое наблюдается напр. въ греческомъ, и не передавалъ ли онъ при этомъ

вслѣдствіе несовершенства своего алфавита разные звуки однимъ и тѣмъ же начертаніемъ. Но Боппъ отвергаетъ такое предположеніе, указывая на то, что санскритское письмо, отмѣчавшее самыя тонкія звуковыя градаціи, не могло бы пренебречь и различіемъ между ă, ĕ и ŏ, если бы таковое существовало; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отрицалъ возможности развитія въ послѣдующее время, т. е. уже по утвержденіи санскритскаго письма, изъ краткаго *a* звуковъ въ родѣ греческихъ ε и ο (I² стр. 9). Боппъ находилъ подкрѣпленіе своей гипотезѣ также въ готскомъ языкѣ, въ которомъ будто бы, подобно санскриту, недостаетъ звуковъ и буквъ краткаго *e* и *o* (Ib.). Въ настоящее время приведенная аргументація Боппа уже не можетъ имѣть прежней убѣдительности потому, что изученіе готскаго установило въ немъ существованіе тѣхъ краткихъ гласныхъ звуковъ, которые Боппъ предполагалъ отсутствующими. Далѣе, звуки въ развитіи языка могутъ не только развѣтвляться, но и совпадать, такъ что однообразіе въ санскритѣ могло получиться изъ первоначальнаго разнообразія, подобно тому какъ въ акающихъ русскихъ говорахъ гласный *a* въ слогѣ первомъ передъ ударе́ніемъ можетъ отражать собою основное *e*, *o*, *a* (напр. н'*а*су́, н*а*шу́, п*а*су́). Наконецъ, физіологическое изученіе звуковыхъ системъ обнаружило такіе тонкіе оттѣнки, которые не только не передаются въ общепринятомъ письмѣ, но съ трудомъ поддаются и научному обозначенію.

Что касается ĕ и ŏ, то Боппъ обратилъ вниманіе на чередованіе этихъ гласныхъ и на параллелизмъ при этомъ между отдѣльными индоевропейскими языками. Такъ, онъ говорилъ, что въ древне-церковнославянскомъ языкѣ ĕ и ŏ чередуются внутри корней такъ же, какъ и въ греческомъ; напр. **вожъ** относится къ **везѫ** такъ же, какъ λόγος къ λέγω. И относительно тематическаго гласнаго, какъ въ греческомъ Зв. λόγε относится къ темѣ λογο, такъ же въ др.-цсл. Зв. **рабе** относится къ темѣ **рабо**, при И. **рабъ** (I² 133). Что касается природы чере-

дующихся гласныхъ, то Боппъ считалъ гласный *о* болѣе тяжелымъ по сравненію съ *е* (а гласный *а* болѣе тяжелымъ, нежели *о*), находя подтвержденіе этому въ первомъ склоненіи; тамъ гласный а (=скт. ā) въ Зв. ослабляется въ о (= скт. ă), напр. **вьдова : вьдово**, точно такъ же, какъ ŏ въ ĕ (I² 134). При этомъ нужно помнить, что Боппъ оба гласные (ŏ и ĕ) возводитъ къ праязыковому ă, которое на концѣ слова „ослабло“ въ ĕ, тогда какъ подъ защитою окончаній „является“ въ концѣ основы въ видѣ ŏ напр. въ ἵππος (ib. 407). Слѣдовательно, Боппъ находитъ, что гласный ĕ представляетъ, по сравненію съ ŏ, бо́льшую ослабленность первоначальнаго гласнаго, и это онъ доказывалъ сопоставленіемъ Зв. ед. во второмъ и первомъ склоненіи.

Не касаясь пока другихъ частностей въ воззрѣніяхъ Боппа по разсматриваемому вопросу, обратимся къ Курціусу. Въ своей статьѣ „Ueber die Spaltung des A-Lautes“, помѣщенной въ Sitzungsber. der Kgl. Sächs. Gesell. d. Wissensch. (1864, 9 сл.), Курціусъ, удерживая воззрѣніе Боппа о первичности однообразія въ праязыкѣ въ области гласнаго *а*, старается представить послѣдовательный ходъ развѣтвленія этого *а*. Обращая вниманіе на то, что *е* является на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ, онъ приходитъ къ выводу, что оно не могло развиться независимо въ каждомъ изъ нихъ, а возникло во время общей жизни европейцевъ, когда они уже были разлучены съ своими азіатскими родичами: тогда часть древнихъ *а*, подъ неизвѣстнымъ вліяніемъ, ослабла въ *е*, тогда какъ остальная часть продолжала сохраняться въ видѣ *а*. Позже въ европейскихъ языкахъ, уже независимо другъ отъ друга, произошло второе развѣтвленіе *а*, породившее *о*. Такое сравнительно позднее возникновеніе гласнаго *о* Курціусъ принималъ потому, что гласный этотъ оказывается не во всѣхъ европейскихъ языкахъ; но такъ какъ греческій и латинскій языки представляютъ относительно *о* большое согласіе, то въ области классическихъ языковъ

гласный этотъ долженъ былъ получиться, по мнѣнію Курціуса, еще въ общемъ греко-италійскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, измѣненіе праязычнаго *a* въ *e* Курціусъ считаетъ общеевропейскимъ явленіемъ, а измѣненіе того же гласнаго въ *o* — явленіемъ, возникшимъ уже по распаденіи европейцевъ (однако, на югѣ Европы, прежде распаденія греко-италійцевъ), что же касается *a*, встрѣчающагося какъ въ европейскихъ, такъ и въ азіатскихъ языкахъ, то оно должно имѣть самую большую древность, восходя къ праязыку индоевропейскому. [1]) По поводу изложеннаго слѣдуетъ замѣтить, что Курціусъ оставилъ безъ вниманія параллелизмъ между греческимъ и славянскимъ, указанный Боппомъ (φέρω : φόρος = везѫ : возъ и пр.); столь большая послѣдовательность въ соотвѣтствіяхъ гласнаго *o* не можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ, но должна имѣть болѣе раннее происхожденіе.

---

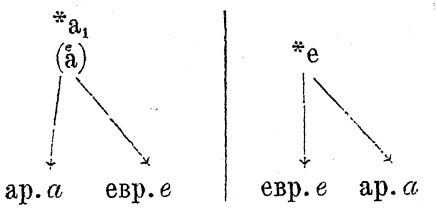
[1]) Къ сказанному можно прибавить еще толкованіе Курціусомъ санскритскаго долгаго *a*, когда таковой соотвѣтствуетъ греческому *o* (см. Gz.[5] стр. 52). Въ этомъ случаѣ Курціусъ принимаетъ первоначальнымъ чередованіе *a* || ā (напр. *gan* || *gān*, ср. скт. jánāmi || jajā'na; *bhar* || *bhār*, ср. bhárāmi || bhārás), изъ котораго затѣмъ произошли, путемъ постепеннаго передвиженія, сначала — вѣроятно — *gen* || *gan*, *bher* || *bhar*, а затѣмъ *gen* || *gon* (γενέσθαι || γέγονα), *bher* || *bhor* (φέρω || φόρος). Кажется, въ возведеніи Курціусомъ греческаго *o*, которому соотвѣтствуетъ въ санскритѣ ā, къ праязыковому *ā можно усматривать вліяніе воззрѣнія Шлейхера, который въ греч. ε видѣлъ отраженіе первоначальнаго простаго *a, а въ греч. *o* — отраженіе перваго подъема, т. е. *aa = *ā.

Изслѣдованія Гюбшмана въ области армянскаго языка (KZ XXIII 5 сл.) обнаружили новое явленіе, а именно, что въ армянскомъ языкѣ, который раньше относили къ азіатскому отдѣлу (именно — къ иранской вѣтви), имѣются гласные ă, ĕ, ŏ въ соотвѣтствіи съ греческими. Въ виду этого Курціусъ въ свою гипотезу впослѣдствіи на мѣсто европейскаго праязыка подставилъ армяно-европейскій, въ остальномъ оставшись при прежнихъ предположеніяхъ.

Бругманъ въ статьѣ „Zur Geschichte der stammabstufenden Declinationen“ (Curt. Studien IX, 1876 г.), въ виду того, что чередованія φέρω | φόρος, prĕcor || prŏcus, вєʒж || воʒъ, bhárāmi || bhārás, babhā́ra и пр. повторяются въ томъ или другомъ видѣ во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ (не только въ европейскомъ, но и въ азіатскомъ отдѣлѣ), заключилъ, что это различіе рефлексовъ должно восходить къ нѣкоторому различію индоевропейскаго праязыка; для ряда скт. *a* ≠ греч. лат. слав. *e* онъ условно обозначилъ соотвѣтствующій гласный праязыка посредствомъ символа a_1, а для ряда скт ā ≠ греч. лат. слав. *o* — посредствомъ a_2 (стр. 367). Что же касается такихъ случаевъ, какъ ἄγω и т. п., то Бругманъ отдѣлилъ ихъ отъ предъидущихъ случаевъ, принявши для праязыка символъ a_3 и оговорившись, что могутъ быть и другіе *a* праязыка, остающіяся внѣ его разсмотрѣнія (стр. 381—382). Такимъ образомъ, на мѣсто однообразія въ праязыкѣ было принято первичнымъ разнообразіе. Въ концѣ своей статьи (стр. 406) Бругманъ сдѣлалъ примѣчаніе, что при составленіи ея онъ упустилъ изъ виду, что уже Amelung KZ XXII 369 высказалъ предположеніе, по которому уже индоевропейскій праязыкъ имѣлъ „два такъ или иначе отличныхъ *a*-звука“ (zwei irgendwie verschiedene *a*-Laute). Отсюда видно, что гипотеза о различіяхъ *a* въ праязыкѣ уже назрѣла.

Однако не сразу наступила перемѣна въ воззрѣніи. Самое обозначеніе первоначальнаго различія на первыхъ порахъ посредствомъ *a* (съ цифровыми значками) напоминаетъ прежнее воззрѣніе. И при ближайшемъ опредѣленіи звуковыхъ качествъ праязыковаго a_1 и a_2 Бругманъ въ цитированной статьѣ держится ближе къ состоянію арійскихъ языковъ и видитъ въ этихъ гласныхъ разновидности *a* съ легкимъ наклоненіемъ при a_1 въ сторону *e* и при a_2 въ сторону *o*, въ зависимости отъ того, что a_2, по всей вѣроятности, произносилось языкомъ подвинутымъ болѣе кзади по сравненію съ a_1 (стр. 375,

381). Въ дальнѣйшемъ развитіи гипотезы о праязыковомъ различіи можно замѣтить большее приближеніе къ европейскому различію ĕ, ŏ, ă; это сказывается и на символахъ: вмѣсто прежнихъ a_1 и a_2 являются сначала $\mathring{a}$ и $\mathring{a}$, а затѣмъ и прямо *e, *o. Соотвѣтственно съ этимъ и представленіе о пути развитія европейскихъ и азіатскихъ (арійскихъ) рефлексовъ должно было нѣсколько измѣниться, что̀ можно выразить въ слѣдующей схемѣ: [1])



т. е. раньше физіологическій переходъ отъ a_1 и a_2 къ арійскимъ рефлексамъ казался незначительнымъ, тогда какъ теперь сталъ представляться незначительнымъ переходъ отъ *e и *o къ европейскимъ рефлексамъ, путь же къ арійскимъ рефлексамъ — увеличившимся).

Въ виду того, что a_2 въ арійскихъ языкахъ отражается частію въ видѣ долгаго a, Бругманъ (l. c. 380—381) считаетъ вѣроятнымъ, что a_2 въ индоевропейскомъ праязыкѣ было гласнымъ средней длительности (полудолгимъ), тогда какъ a_1 — краткимъ. Что касается условій отраженія a_2 на арійской почвѣ въ видѣ краткаго и долгаго a, то Бругманъ, какъ было уже замѣчено раньше, сначала принялъ формулу Шлейхера: a долгое — передъ простыми согласными, a краткое — передъ двумя согласными (ib.). Поэтому ему представлялось на первыхъ порахъ исключеніемъ скт. $a = a_2$ въ такихъ случаяхъ, какъ áçvam = ἵππον, nábhas = νέφος и т. п., гдѣ a_2 отражается въ видѣ краткаго a, хотя за нимъ слѣдуетъ простой согласный (стр. 380, сноска 13). Лег-

---

[1]) Въ схемѣ беру для примѣра только $*a_1$; большее уклоненіе стрѣлки въ сторону указываетъ бо́льшее физіологическое измѣненіе звука.

ко однако замѣтить, что áçvam и dadárça имѣютъ между собою то общее, что въ обоихъ случаяхъ *a* находится въ закрытомъ слогѣ. Въ виду этого Бругманъ измѣнилъ впослѣдствіи формулировку Шлейхера такимъ образомъ, что отраженіе *ŏ въ санскритѣ въ видѣ краткаго *a* принялъ въ случаѣ закрытости слога, и въ видѣ долгаго *a* — въ случаѣ открытости слога, лишь бы открытый слогъ не оканчивалъ собою слово, такъ какъ *ŏ на концѣ слова равняется арійскому *a*, ср. греч. φέρετο = скт. bháreta, зд. baraeta (Vergl. Gram. I стр. 69, § 78 въ началѣ).

Къ сказанному нужно прибавить, что уже въ цитированной нами статьѣ Бругманъ широко пользуется принципомъ *аналогіи* (правда, и для того времени не новымъ), на рядѣ примѣровъ выясняя, какъ древнее чередованіе a_1 и a_2 въ жизни отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ видоизмѣнялось вслѣдствіе дѣйствія аналогіи. [1])

---

[1]) Ограничусь приведеніемъ одного изъ примѣровъ, представляемаго склоненіемъ индоевроп. основы pad- (см. Curt. Stud. IX 368—370). Въ санскритѣ въ сильныхъ падежахъ соотвѣтствующая основа является въ видѣ *pād-*, въ слабыхъ въ видѣ *pad-* [форму И. ед. Бругманъ оставляетъ въ сторонѣ, такъ какъ этому падежу въ третьемъ склоненіи обыкновенно свойственна долгота гласнаго]: В. ед. *pā'dam*, И. мн. *pā'das*, Р. ед. *padás*, Тв. мн. *padbhís* и т. д. Между тѣмъ греческій языкъ представляетъ во всѣхъ падежахъ ποδ- (Р. ед. ποδ-ός и т. д.), а латинскій во всемъ склоненіи *ped-* (Р. ед. *ped-is* и т. д.). Откуда же произошло это различіе? Нужно замѣтить, что въ греческомъ рядомъ съ ποδ- имѣется производное прил. πεζός, т. е. *πεδ-ιό-ς; далѣе, въ сложеніяхъ рядомъ съ -ποδ-ο-ς встрѣчается и -πεδ-ο-ς, какъ напр. на гераклейскихъ доскахъ ἑκατόμ-πεδο-ς „имѣющій сто футовъ длины“, τριακοντά-πεδο-ς, Ϝικατί-πεδο-ς. Съ другой стороны въ латинскомъ рядомъ съ *com-ped-* попадается *com-pod-* и латинскому *bi-ped-* соотвѣтствуетъ въ умбрскомъ *du-purs-*. Послѣ этого Бругманъ считаетъ несомнѣннымъ, что причина различія между греческою основою ποδ- и лат. *ped-* въ склоненіи та, что греческій провелъ черезъ все склоненіе („durchdeclinirte“) сильную основу, латинскій слабую; первоначально

Если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ такія отклоненія, вызванныя аналогіей, то получимъ нормальные рефлексы. Поэтому мы вправѣ напр. сказать: *ненарушенное* развитіе a_1 въ европейскомъ дало гласный *e* (374). [1])

Теперь мы остановимся на доказательствахъ того, что и въ арійскомъ отдѣлѣ индоевропейскихъ языковъ нѣкогда существовало различіе ĕ, ŏ, ă:

1) Существованіе гласнаго ĕ доказывается смягченіемъ гортанныхъ передъ этимъ звукомъ, напр. скт. *ca* ≠ гр. τε, лат. que; скт. pá*ca*ti ≠ **пєчєть**; въ удвоеніи перф., напр. *ca*kā́ra отъ К. *kar-*. Это смягченіе свидѣтельствуетъ о томъ, что гласный въ этихъ случаяхъ долженъ былъ быть первоначально палятальнымъ, подобно греческому, лат. и др.-цсл. Впослѣдствіи палятальный гласный измѣнился въ *a*, но смягченіе гортанныхъ сохранилось. Случаямъ, когда скт. *a* отражаетъ *ŏ и *ă, смягченіе гортанныхъ не свойственно. Впрочемъ передъ скт. ă = *ŏ встрѣчаются смягченные гортанные, но только вторично — подъ вліяніемъ аналогіи. Детальное разсмотрѣніе этихъ случаевъ удобнѣе отнести въ отдѣлъ консонантизма.

2) Въ существованіи ĕ и ŏ убѣждаютъ случаи подобные слѣдующимъ. Отъ корня *as-* „быть" второе лицо ед. повелит. представляетъ форму ē*dhí*, гдѣ *-dhí* есть признакъ формы, а корень — ē. Легко замѣтить, что въ этомъ видѣ корня недостаетъ *s*, а гласный сталъ долгимъ. Это объясняется тѣмъ предположеніемъ, что *s* исчезло передъ звонкимъ согласнымъ окончанія и это исчезновеніе сопровождалось замѣнительнымъ удлиненіемъ. Удлиниться же долженъ былъ гласный *ĕ, ибо только онъ могъ дать въ результатѣ удлиненія ē. Нужно еще

же какъ въ греческомъ, такъ и въ латинскомъ имѣло мѣсто чередованіе сильной и слабой основы подобно санскриту.

[1]) Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи гласный этотъ во многихъ случаяхъ перешелъ въ *i*, какъ напр. въ готскомъ (375).

допустить, что указанный процессъ исчезновенія *s* съ замѣнительнымъ удлиненіемъ предъидущаго гласнаго предшествовалъ по времени процессу измѣненія ĕ въ ă. Теперь остановимся на другомъ случаѣ. Извѣстно изъ санскрита, что когда слово оканчивается на *-as*, а слѣдующее слово начинается звонкимъ согласнымъ, то вмѣсто *-as* является -ō. Здѣсь также мы должны принять, что исчезло *s*, а гласный ō является результатомъ удлиненія *ŏ; значитъ мы должны предположить окончаніе *-*os*. Слѣдовало бы ожидать, что при тѣхъ же условіяхъ *ăs (т. е. $a_3 s$) дало бы ā, но къ сожалѣнію мнѣ не удалось найти убѣдительнаго примѣра.

Примѣчаніе. Можно было замѣтить, что въ явленіяхъ, обсуждавшихся во второмъ пунктѣ, существенное значеніе имѣетъ послѣдовательность процессовъ. Мои наблюденія надъ фактами арійскихъ языковъ, преимущественно санскрита, привели меня къ установленію слѣдующихъ эпохъ:

I. Эпоха измѣненія долгихъ среднихъ гласныхъ въ ā. Долгіе *ē и *ō измѣнились въ ā (совпавши такимъ образомъ съ *ā) не только какъ самостоятельные гласные, но и въ томъ случаѣ, когда они были первымъ компонентомъ дифтонговъ. Краткіе гласные *ĕ, *ŏ, *ă еще сохраняли свое различіе въ эту эпоху и какъ самостоятельные гласные, и какъ первый компонентъ дифтонговъ. Если слѣдовалъ за означенными самостоятельными гласными согласный *s*, то онъ передъ звонкими согласными могъ измѣниться въ звонкій звукъ (*z*), но еще не исчезъ. Послѣ узкихъ гласныхъ *i* и *u* какъ самостоятельныхъ, такъ и въ томъ случаѣ, когда они были вторымъ компонентомъ дифтонговъ, *s* измѣнилось въ $\overset{\vee}{s}$, вмѣсто котораго передъ звонкими согласными получилось $\overset{\vee}{z}$ аналогично тому, какъ *z* вм. *s* послѣ ā, ĕ, ŏ, ă. Ср. вед. dyāúṣ pitā'. (Въ классическомъ санскритѣ вм. конечнаго $\overset{\vee}{s}$ встрѣчается обычное ḥ, но это — аналогія къ случаямъ -aḥ).

II. Эпоха замѣнительнаго удлиненія (взамѣнъ исчезнувшаго *z* resp. $\overset{\vee}{z}$) и возникновенія т. о. новаго слоя долгихъ гласныхъ. Согласный *z*, получившійся изъ *s* передъ слѣдующимъ звонкимъ согласнымъ, теперь исчезаетъ съ замѣнительнымъ удлиненіемъ, такъ что предшествующіе ĕ, ŏ, ă удлиняются въ соотвѣтствующіе долгіе ē, ō и (вѣроятно) ā. Но эти долгіе ē и ō, являющіеся продуктами замѣнительнаго удли-

ненія, не измѣняются въ ā, потому что эпоха такого измѣненія уже миновала. Если же исчезающему z предшествовало ā, то удлиненія не произошло, такъ какъ гласный и безъ того былъ дологъ. Примѣры: ēdhí (*ĕzdhi), áçvō (*-ŏz) drávati, áçvā (*-āz) drávanti. Что касается ž, то оно представляетъ двоякое развитіе передъ слѣдующими звонкими—или исчезло, или превратилось въ r. Быть можетъ, рѣшающимъ моментомъ было при этомъ качество слѣдующаго звонкаго звука; не безъ значенія было и то, имѣло ли мѣсто указанное соприкосновеніе внутри слова, или же на границѣ словъ. Въ случаѣ исчезновенія ž, предшествующіе ĭ и ŭ удлинялись, если они были самостоятельными гласными, ср. nīḍás. Изъ этого примѣра видно и то, что еще до исчезновенія ž произошло уподобленіе этому ž слѣдующаго d, которое стало церебральнымъ. Слово hē'ḍas въ эту эпоху, вѣроятно, на мѣсто -ēḍ- представляло сочетаніе *-eiḍ- изъ *-eiž̌ḍ-.

III. Эпоха измѣненія краткихъ среднихъ гласныхъ въ a. Измѣняются въ a первоначальные краткіе *ĕ, *ŏ (совпавши такимъ образомъ съ *ă) и какъ самостоятельные гласные, и какъ первый компонентъ дифтонговъ. Въ это время *-ŏs въ паузѣ измѣнилось въ -aḥ, хотя возможно, что конечное ḥ выработалось и не въ эту эпоху. Такъ же точно измѣнились *-ĕs и *-ăs. Одинаковость результата могла быть поводомъ аналогіи. Вмѣсто прежнихъ дифтонговъ *ĕi, *ŏi, *ăi получается ai, а вмѣсто *ĕu, *ŏu, *ău получается au.

IV. Эпоха возникновенія ē и ō изъ дифтонговъ. Получившіеся въ третьей эпохѣ дифтонги ai, au измѣнились въ монофтонги ē, ō. Дифтонги āi, āu не послѣдовали этому измѣненію, такъ какъ имѣли первый долгій компонентъ. Въ послѣдующее время послѣдній, естественно, сокращается.

Мы видѣли, что *ĕ (a_1) чередуется съ *ŏ (a_2) въ однѣхъ и тѣхъ же морфемахъ, напр. греч. φέρω || φόρος, λόχος || λόχε. Единство морфемы, въ области которой наблюдается чередованіе, ведетъ къ предположенію, что это различіе гласнаго выработалось изъ одного какого-нибудь звука. Значитъ, въ индоевропейскомъ праязыкѣ троезвучію *ĕ, *ŏ, *ă предшествовала эпоха гласнаго двоезвучія.

Какой же это былъ гласный, развѣтвившійся на *ĕ || *ŏ? Бругманъ на первыхъ порахъ болѣе скло-

нялся къ тому, чтобы видѣть въ a_1 ослабленіе a_2. Въ этомъ его убѣждалъ параллелизмъ, который онъ усматривалъ между окончаніемъ Зв. ед. въ темахъ на a_2 (т. е. во второмъ склоненіи) и тѣмъ же падежомъ въ темахъ на ā (1 скл.): какъ вед. *ámb***a**, др.-цсл. **жено** представляютъ въ концѣ ослабленіе, такъ и греч. λύκε, лат. *lup***e**, др.-цсл. **влъче**, лит. vilke въ своемъ *e* = *a_1 являются ослабленіемъ изъ *a_2, представляющаго первичный видъ тематическаго гласнаго во второмъ склоненіи; ослабленіе же это происходило отъ того, что темы на *a* съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ первоначально въ Зв. ед. удареніе постоянно оттягивали назадъ, — типъ ударенія, представляющій въ древне-индійскомъ общее правило, а въ греческомъ оставившій слѣды въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ ἄδελφε (Curt. Stud. IX 370—371). Легко замѣтить, что Бругманъ въ своемъ сужденіи основывался на параллелизмѣ, подчеркнутомъ еще Боппомъ, съ тою однако особенностью, что причину чередованія ŏ || ĕ Бругманъ предположилъ въ удареніи, принявши, что ĕ относится къ ŏ, какъ слабоударяемый гласный къ ударяемому. [1]) Нерѣдко однакожъ встрѣчается *e* и подъ удареніемъ, напр.: скт. *bhárati*, гр. φέρω, лат. *fero*, гот. *baira*; скт. *nábhas*, греч. νέφος, кел. *nem*, др.-цсл. **нєбо** (стр. 372—373). Въ виду такихъ фактовъ, Бругманъ оговаривается, что если a_2, поступая въ слабоударенный слогъ („tieftonige" Silbe), ослабѣваетъ въ a_1, то отсюда не слѣдуетъ, что всякое ударяемое a_1 имѣло нѣкогда видъ a_2. Ибо съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ говорится, что pa_2d, съ переходомъ ударенія на одинъ слогъ къ концу, ослабляется въ pa_1d, можно было бы сказать, что pa_1d съ переходомъ въ ударенный слогъ („hochtonige" Silbe) [2]) усиливается въ pa_2d-; *который изъ двухъ*

---

[1]) Между тѣмъ Боппъ усматривалъ причину развѣтвленія на *o* и *e* въ различномъ положеніи древняго *a* — на концѣ слова и передъ окончаніемъ.

[2]) Термины „hochtonig" и „tieftonig" относятся къ тони-

гласныхъ былъ здѣсь первоначальнымъ, съ положительностью не можетъ быть установлено. Вотъ такіе случаи, какъ πα-τρ-ός и т. п., представляютъ дѣйствительныя ослабленія. (Стр. 384—385).

Посмотримъ теперь, какъ высказался по вопросу о генезисѣ a_1 и a_2 Соссюръ. Соссюръ подчеркиваетъ одинъ случай, въ которомъ на самомъ дѣлѣ принимаютъ не первичность a_2: это — когда оно происходитъ изъ тематическаго a_1 передъ сонорными согласными глагольныхъ окончаній — въ первомъ лицѣ всѣхъ трехъ чиселъ и въ 3 мн. (напр. греч. ἔχομεν, ἔχοντι || ἔχετε; скт. váhāmas váhata и пр.). Тутъ появленіе a_2, замѣчаетъ Соссюръ, очевидно связано такъ или иначе съ природою слѣдующаго согласнаго. Говорить по отношенію къ a_1 и a_2 объ усиленіи и ослабленіи можно, если допускать, подобно Бругману, что чередованіе a_1 и a_2 находится въ соотношеніи съ перемѣщеніями ударенія; „если же думать, какъ мы, что чередованіе обѣихъ фонемъ не зависитъ отъ ударенія, то лучше удержаться отъ присвоенія одной изъ нихъ первенства, которое не совсѣмъ оправдывается“ (Sauss. 133 — 134). Такимъ образомъ Соссюръ, представивши замѣчанія на мнѣніе Бругмана, самъ удерживается отъ рѣшительнаго признанія первенства за той или другою изъ чередующихся фонемъ. Въ виду же того, что фонемы a_1 и a_2 являются въ опредѣленныхъ случаяхъ, онъ подвергаетъ эти послѣдніе тщательному изученію, разбирая весь матеріалъ по морфологическимъ группамъ и дѣлая такимъ образомъ изъ морфологіи путеводную нить при фонетическихъ изслѣдованіяхъ,—и это составляетъ не маловажную заслугу его труда.

Изъ всего сказаннаго видно, что вопросъ о перво-

ческой сторонѣ ударенія и собств. значатъ „съ высокимъ тономъ“ и „съ низкимъ тономъ“; такимъ образомъ они не покрываются русскими терминами „ударяемый“ и „слабоударяемый“, которые имѣютъ въ виду не высоту, а силу тона.

начальной фонемѣ, изъ которой затѣмъ развились *e и *o, не имѣетъ пока опредѣленнаго отвѣта. Нужно имѣть въ виду еще одну возможность, а именно: тотъ исходный звукъ, изъ котораго затѣмъ развилось чередованіе e || o, былъ звукомъ особымъ. Я думаю, что это былъ звукъ, совмѣщающій въ себѣ свойства обоихъ гласныхъ e и o, т. е. — нѣкоторая разновидность гласнаго ŏ. При этой гипотезѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, устраняются затрудненія, представлявшіяся Бругману и Соссюру, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ простотою выводятся частныя явленія въ области разсматриваемыхъ гласныхъ. Такимъ образомъ тріада — ĕ || ŏ; ă — сводится къ двойственности, которую мы можемъ условно обозначить символами & (нѣкоторая разновидность ŏ, напр. *bh&r-) и A (напр. *Ag̑-). Я думаю также, что отмѣченная двойственность въ вокализмѣ находится въ связи съ двойственностью консонантизма, именно въ области заднеязычныхъ согласныхъ, которые представляютъ, какъ извѣстно, два ряда, при чемъ предполагаемое мною сродство можно выразить формулами: K^2& и K^1A.